This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

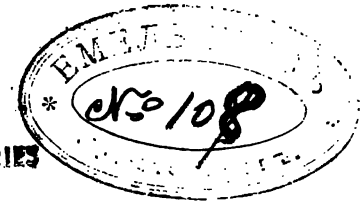
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Nezelenov, A.I.
"
STANFORD LIBRARIES

№ 108

ШЕСТЬ СТАТЕЙ

О

ПУШКИНѢ.

А. И. Незеленова.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ. (Гороховая. 18)
1892.

PG3350
N4

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 21 Ноября 1892 г.

STANFORD LIBRARIES

Предисловіе.

Въ настоящей книжкѣ авторъ собралъ свои статьи о Пушкинѣ, напечатанныя въ разное время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: двѣ рѣчи о поэтѣ (заключающія въ себѣ опытъ психологической и историко-литературной характеристики его), разборъ романа «Евгеній Онѣгинъ», краткую біографію поэта (написанную для народа) и друг.

Въ статьѣ «*Новые отрывки и варіанты сочиненій Пушкина изъ рукописей Румянцевскаго Музея*» читатель найдетъ нѣсколько произведеній великаго писателя, не вошедшихъ еще ни въ одно изъ собраній его сочиненій.

А. Н.

12 Ноября 1892 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Пушкинъ какъ поэтъ и человѣкъ	1—14
Рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная въ Импер. Спб. Университетѣ 29 Янв. 1887 г.	15—29
«Евгеній Онѣгинъ». Романъ Пушкина.	30—67
Новые отрывки и варіанты сочиненій Пушкина (изъ рукописей Румянцевскаго музея) . . .	68—95
Кѣмъ и почему пропущена одна глава изъ повѣсти «Капитанская дочка»?	96—103
Жизнь А. С. Пушкина (для народа)	104—118

ПУШКИНЪ КАКЪ ПОЭТЪ и ЧЕЛОВѢКЪ *).

Быстро летитъ время въ русской землѣ. Поэтъ, память котораго торжествуемъ мы сегодня, еще могъ бы жить среди насъ, а между тѣмъ для него несомнѣнно уже наступила исторія, время спокойной оцѣнки его поэзіи, его духовнаго труда. Смѣнялись направленія нашей критики — мѣнялись и наши отношенія къ нему. Безотчетный восторгъ отъ его дивныхъ стиховъ уступалъ мѣсто скептическому взгляду на внутреннюю ихъ цѣнность; признаніе за нимъ широты воззрѣній боролось съ отрицаніемъ всякихъ серьезныхъ убѣжденій въ его творчествѣ. Но теперь борьба этихъ мнѣній успокоена ходомъ времени, и памятникъ великому поэту открывается какъ разъ въ пору, когда можно сказать о немъ безпристрастное слово.

Ясно сознать сущность и заслугу своей дѣятельности — это счастье выпадаетъ на долю немногихъ. Пушкинъ принадлежитъ къ ихъ числу.

Онъ опредѣлилъ самъ сущность своей поэзіи въ стихотвореніи «Эхо»:

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ,
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ

*) Рѣчь эта была произнесена авторомъ 6-го іюня 1880 года на празднествѣ въ Соляномъ Городкѣ, по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ.

Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Согласно съ собственнымъ опредѣленіемъ, Пушкинъ былъ живымъ и правдивымъ эхомъ русской жизни.

Въ русскомъ обществѣ, созданномъ петровской реформой, замѣчаются два теченія: одно есть продолженіе древней русской жизни, другое пришло къ намъ съ Запада. Историческая задача наша состоитъ въ сліяніи этихъ теченій въ одну многоводную, широкую глубокую рѣку; но пока въ нашей жизни обозначились два типа, подъ одинъ изъ которыхъ можно подвести почти каждаго изъ насъ. Первый, который названъ однимъ изъ нашихъ критиковъ «хищнымъ» и который иначе можно бы назвать «тревожнымъ» или «страстнымъ», сложился подъ западно-европейскими вліяніями; второй (добродушный и смиренный)—нашъ національный, древне-русскій типъ.

Въ поэзіи Пушкина мы видимъ отраженіе и того и другого, отраженіе во множествѣ видовъ, на которые они подраздѣляются, во множествѣ личностей.

Въ началѣ своей дѣятельности поэтъ увлекался людьми тревожными, страстными, гордыми, неудовлетворяющимися ни собою, ни окружающею ихъ жизнью. Онъ былъ тогда подъ вліяніемъ поэзіи и мысли Запада, онъ подчинялъ свою творческую силу силѣ поэзіи Байрона. Это было въ ту пору, когда (по его словамъ) ему

казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордый дѣвы идеалъ,
И безымянныя страданья.

Потомъ для него настала иная пора, когда онъ сознательно полюбилъ простую, обыденную русскую дѣйствительность (безсознательно сердце его лежало къ ней и прежде), полюбилъ

песчанный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.

Этотъ переворотъ въ творчествѣ Пушкина совпалъ съ невольнымъ переселеніемъ его съ юга въ Михайловское, на родной сѣверъ. Но онъ подготовленъ былъ уже ранѣе. Въ Одессѣ душой поэта овладѣли сомнѣнія, онъ переживалъ періодъ рефлексіи, который знакомъ всѣмъ намъ, возросшимъ подъ вліяніемъ Запада. Его сталъ посѣщать «какой-то злобный геній», демонъ:

Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Беззавѣтно отдавшись на нѣкоторое время своей русской душою этому демону, поэтъ обратилъ его скептицизмъ между прочимъ и на то, чѣмъ въ ту пору увлекался,—на поэзію Байрона, на байроническіе характеры: въ «Цыганахъ» онъ развѣнчалъ Алеко (конечно, побуждаемый къ этому и инстинктомъ своей русской натуры, воспитанной сказками старушки няни). Алеко благородно возмущается зломъ жизни цивилизованнаго общества, въ которомъ люди

Любви стыдятся, мысли гонять,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонять
И просятъ денегъ да цѣпей.

Но онъ оказывается эгоистомъ и деспотомъ, и старикъ-цыганъ произноситъ надъ нимъ приговоръ:

Ты для себя лишь хочешь воли.
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ. Оставь же насъ.

Но попытка Пушкина изобразить въ «Цыганахъ» людей противоположныхъ Алеко не удалась, потому что онъ былъ еще далекъ отъ народа. Въ Михайловскомъ онъ сблизился съ народной жизнью и поэзіей и вполнѣ проникся народными началами. Его руководительницей въ этомъ великомъ дѣлѣ была старушка няня Арина Родіоновна. Кому неизвѣстно, какъ любилъ поэтъ ее, «подругу своихъ суровыхъ дней», свою «дряхлую голубку». Она опять (какъ въ дѣтствѣ) разсказывала ему сказки, которыя онъ записывалъ, чтобы впослѣдствіи переложить въ свои чудные стихи, она пѣла ему пѣснь—

какъ синица
Тихо за моремъ жила,
....какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Кромѣ того онъ самъ (одинъ изъ первыхъ у насъ на Руси) записывалъ народныя пѣсни и составилъ «замѣчательный» (по словамъ П. В. Кирѣевскаго) сборникъ ихъ. Въ Михайловскомъ занялся онъ и русскою исторіей, чтеніемъ лѣтописей... Ожесточеннымъ, недовольнымъ, разочарованнымъ въѣзжалъ онъ въ Михайловское въ 1824 году; исцѣлившимъ сердечныя раны на «лонѣ сельской тишины» и искренней, душевной дружбы, народнымъ поэтомъ, авторомъ народной трагедіи «Борисъ Годуновъ» выѣзжалъ онъ изъ родного села въ 1826 году.

Пушкинъ былъ художникъ—по преимуществу, поэтъ красоты и гармоніи (какъ прекрасно понялъ это великимъ эстетическимъ чувствомъ своимъ Бѣлинскій). Вотъ

почему Пушкинъ и не могъ вдаться въ какую-нибудь односторонность, съузить свое міросозерцаніе. Понявъ ложную сторону страстныхъ и гордыхъ идеаловъ, нѣкогда увлекавшихъ его, понявъ, съ другой стороны, красоту души простого русскаго человѣка и его простой обстановки, поэтъ одинаково безпристрастно и вмѣстѣ любовно, одинаково объективно отнесся къ обѣимъ, открытымъ для него теперь сферамъ жизни. Это всего ярче выражается въ его отношеніяхъ къ двумъ основнымъ, такъ сказать стихійнымъ типамъ его поэзіи—Онѣгину и Бѣлкину.

Искусство нетолько отражаетъ въ себѣ живую дѣйствительность, но и даетъ намъ поэтическую, т. е. безпристрастную ея оцѣнку. И въ этомъ смыслѣ высокопоэтическимъ должно назвать отношеніе Пушкина къ двумъ названнымъ типамъ.

Въ I главѣ «Онѣгина», написанной поэтомъ еще въ ранней молодости, и, главное, подъ вліяніемъ грубыхъ кишиневскихъ увлеченій, отношенія его къ Онѣгину, къ пошлости его свѣтской и разгульной жизни, какъ-то неопредѣленны, грубо-сочувственны и странны; но въ дальнѣйшихъ главахъ романа взглядъ Пушкина на своего героя—глубокій и правильный. Вполнѣ соглашаясь съ своей Татьяной, онъ показываетъ намъ, что въ сердцѣ Онѣгина есть

И гордость, и прямая честь,

что онъ и уменъ, и способенъ на сильное, страстное чувство, что онъ даже не чуждъ доброты; но что онъ въ то же время эгоистъ до мозга костей, и изъ эгоизма губитъ и себя, и тѣхъ, съ кѣмъ приходится ему встрѣчаться въ жизни, хотя бы они были ему близки и дороги, какъ Ленскій и Татьяна. Поэтъ вѣритъ разочарованію своего героя; но онъ видитъ въ то же время, что Онѣгинъ рисуется этимъ разочарованіемъ не только пе-

редъ другими, но и передъ самимъ собою, и потому преувеличиваетъ его.

Таковы же отношенія Пушкина и къ Ив. Петровичу Бѣлкину, автору «Повѣстей Бѣлкина» и «Лѣтописи» своего родного села Горохина. Изъ предисловій къ этимъ произведеніямъ мы узнаемъ біографію Ивана Петровича, а изъ воззрѣній и сочувствій, невольно высказываемыхъ имъ въ его творчествѣ, изъ склада и тона, изъ языка его сочиненій знакомимся съ его характеромъ. Пушкинъ сочувственно относится къ здравому, ясному уму Бѣлкина, къ его простотѣ и смиренію; но онъ въ то же время очень хорошо видитъ и наивность Бѣлкина, и недостатокъ въ немъ душевной силы, и то, что его смиреніе переходитъ зачастую границы въ преклоненіи передъ всѣмъ чужимъ.

Какъ всякій художникъ, Пушкинъ изъ души своей взялъ и Онѣгина, и Бѣлкина; но самъ онъ—ни тотъ, ни другой. Его идеалъ—гораздо выше. Этотъ идеалъ нашелъ отчасти свое осуществленіе въ высшемъ образѣ поэзіи Пушкина—въ Татьянѣ.

Чтобы быть вѣрнымъ изобразителемъ современной ему русской дѣйствительности, Пушкинъ долженъ былъ обратиться къ поэтическому изученію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась наша новая жизнь; онъ это и сдѣлалъ. Между его созданіями мы находимъ и такія, которыя изображаютъ нашу историческую старину, и такія, въ которыхъ онъ рисуетъ западно-европейскій бытъ и его представителей. Онъ написалъ балладу «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», сказки, Пѣсни западныхъ славянъ, драмы: «Русалка» и «Борисъ Годуновъ», романъ «Арапъ Петра Великаго», поэму «Полтава», повѣсть «Капитанская дочка». — Съ другой стороны, онъ создалъ: «Египетскія ночи», драмы: «Скупой рыцарь», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», «Пиръ во время чумы», «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость». — Въ этомъ не-

обыкновенномъ разнообразіи творчества сказалась широта его поэзіи.

О той же широтѣ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что не изобразителемъ дворянскаго только сословія былъ онъ, а также и поэтомъ простого народа. Народъ является у него: въ стихотвореніи 1819 года «Уединеніе», въ программѣ драмы изъ народнаго быта (задуманной въ Кишиневѣ), потомъ въ «Борисѣ Годуновѣ», въ балладахъ «Утопленникъ» и «Бѣсы», въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (въ лицѣ няни Татьяны), въ сказкахъ, въ «Дубровскомъ» и въ «Капитанской дочкѣ». Сблизившись съ народомъ въ жизни, Пушкинъ не идеализируетъ мужика въ своей поэзіи, рисуетъ его совершенно реально; но относится къ нему и совершенно серьезно, и вполнѣ сочувственно. Поэтъ желаетъ народу свободы:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Войдетъ ли, наконецъ, счастливая заря!

Но онъ этимъ не ограничивается, а идетъ дальше: онъ показываетъ намъ присутствіе въ народной душѣ и здравой мысли, и высокаго нравственнаго чувства. Такъ, напримѣръ, баллада «Утопленникъ» учитъ насъ, что по народному представленію (какъ понималъ его Пушкинъ) человѣкъ долженъ исполнить нравственный долгъ свой, хотя бы отъ этого пришлось ему пострадать лично,—въ противномъ случаѣ совѣсть не дастъ ему покоя.

Таково содержаніе поэзіи Пушкина. Въ чемъ же ея заслуга? Это опредѣлилъ опять самъ поэтъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

«Живая прелесть», живая красота творчества—вотъ главная характеристическая черта поэзіи Пушкина. Онъ умѣлъ такъ понимать и такъ изображать красоту, и красоту природы, и (главное) красоту человѣческаго духа, какъ никто. Изящнѣе его произведеній нѣтъ ни въ одной литературѣ. Ему, какъ художнику, нѣтъ соперника въ мірѣ. И вотъ почему онъ чувствовалъ себя какъ дома во всѣхъ сферахъ жизни, и самыя разнообразныя явленія ея были ему одинаково доступны и съ одинаковымъ совершенствомъ возсоздавались его творческой фантазіей. Одна только область оставалась для него закрытой, это —та сфера жизни, въ которой нѣтъ красоты; въ ней онъ оказывался безсильнымъ. Изображеніе зла и пошлости жизни не входило въ кругъ поэзіи Пушкина.

Были попытки (вызванныя, впрочемъ, благородными побужденіями) винить за это великаго художника: онъ (говорили) не боролся и не хотѣлъ бороться со зломъ нашей дѣйствительности, хотя и чувствовалъ присутствіе этого зла въ жизни.

Но такія обвиненія — несправедливы. Это значитъ обвинять Пушкина за это, что онъ былъ только самимъ собою, а не былъ еще и Гоголемъ, не взялъ на себя задачи, которая предлежала другому великому таланту. Громадна была творческая сила Пушкина, но эта сила имѣла свои границы.

Задачей поэта было показать красоту души человѣческой, и дѣло свое онъ сдѣлалъ и имѣетъ неотъемлемое право на вѣчную благодарную память потомства!

Всмотритесь въ безчисленное множество лицъ, созданныхъ Пушкинымъ,—и въ каждомъ вы замѣтите слѣды духовной красоты.

Сколько прекрасныхъ людей въ жизни не обратятъ на себя нашего вниманія, потому только, что въ нихъ нѣтъ ничего выдающагося, эффектнаго; мы пройдемъ равнодушно мимо ихъ и не думая, что за ихъ обыден-

ной наружностью кроются духовныя богатства. А. Пушкинъ показываетъ намъ эти богатства и заставляетъ насъ невольно любить такихъ людей. Вотъ, напр., старики Мироновы въ «Капитанской дочкѣ». Мы, можетъ быть, свысока отнеслись бы къ этимъ простымъ людямъ за ихъ наивность, грубость, невѣжество, простодушіе... Но поэтъ подмѣтилъ ихъ безконечную доброту, ихъ вѣчную преданность другъ другу, красоту ихъ смиренія, ихъ героизмъ, которому они сами не придаютъ и значенія,— и мы останавливаемся передъ ними съ благоговѣйнымъ уваженіемъ.

Наоборотъ, внѣшній эффектъ, могущій прельстить насъ своимъ мишурнымъ блескомъ, Пушкинъ умѣетъ развѣнчать, потому что понимаетъ, слышитъ чуткой душою своею отсутствіе въ немъ настоящей красоты.—Эффектно положеніе Онѣгина, читающаго наставленіе Татьянѣ послѣ полученія отъ нея письма,—Онѣгинъ рисуется своимъ разочарованіемъ, красиво скорбитъ объ утраченныхъ надеждахъ, о невозможности для него вновь чувствовать и жить:

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата,
Не обновлю души моей.

Онъ красиво драпируется чувствомъ благородства и великодушія:

Не всякій васъ какъ я пойметъ,
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Но Пушкинъ безпощадно разбиваетъ весь этотъ кажущійся блескъ, заставляя Онѣгина послѣ всего этого влюбиться въ Татьяну. Въ этой любви Онѣгина есть, однако, большая доля правды, — и мы слышимъ ее въ неподдѣльной страстности его письма, хотя и въ этой искренней страсти своего героя поэтъ опять-таки подмѣчаетъ фальшивую ноту тщеславія,—и устами Татьяны называетъ Онѣгина «чувства мелкаго рабомъ».

Какъ бы низко человѣкъ ни упалъ, но въ душѣ его почти всегда сохраняется хоть что-нибудь свѣтлое, хоть тѣнь добра. И вотъ Пушкинъ показываетъ намъ эти слѣды нравственной красоты въ падшихъ людяхъ, и пробуждаетъ въ нашей душѣ доброе чувство состраданія и скорби. Въ свирѣпой душѣ Пугачева (въ повѣсти «Капитанская дочка») онъ съумѣлъ подмѣтить человѣческое чувство благодарности, гуманный порывъ великодушія, негодованіе, что смѣютъ обижать сироту. Скупой баронъ, герой драмы «Скупой рыцарь», кажется, утратилъ все человѣческое, даже любовь и уваженіе къ себѣ самому, а между тѣмъ поэтъ видитъ въ немъ живое чувство чести и показываетъ намъ, какъ, неожиданно пробужденное, оно потрясаетъ всю душу скупца,—и вмѣсто ненависти и презрѣнія мы чувствуемъ состраданіе къ падшему брату. Вотъ что значитъ стихъ—

И милость къ падшимъ призывалъ.

Россія ставитъ памятникъ *великому поэту*. Можемъ ли мы сказать, что она ставитъ его и *великому человѣку*, достойному этого имени по своему уму и сердцу?

Оставляя въ сторонѣ общій вопросъ объ отношеніи таланта и творчества поэта къ его нравственному облику, обратимся собственно къ Пушкину и его характеру.

Великій поэтъ нашъ не получилъ, какъ извѣстно, хорошаго образованія въ школѣ. Онъ это очень ясно сознавалъ.

«Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (писалъ онъ въ своихъ запискахъ про А. Н. Вульфа). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ, какъ мы..... выучились танцовать».

Но Пушкинъ самъ потомъ пополнилъ недостатки въ своихъ знаніяхъ и развитіи, занимаясь настоятельно и

серьезно самообразованіемъ. Это началось на югѣ (высылка туда изъ Петербурга была для поэта спасеніемъ отъ пустой и разгульной столичной жизни); на югѣ принялся онъ за изученіе Байрона, потомъ за изученіе другихъ поэтовъ Запада; въ Одессѣ онъ сталъ собирать библіотеку. Еще серьезнѣе взялся онъ за дѣло въ Михайловскомъ. Онъ изучалъ тамъ Шекспира, Карамзина, русскія лѣтописи, Тацита; онъ выписывалъ туда изъ Петербурга множество серьезныхъ сочиненій; много книгъ нашелъ онъ и въ библіотекѣ Тригорскаго. Чтенія поэта сопровождались обыкновенно выписками изъ читаемыхъ сочиненій, замѣтками на нихъ. По этимъ замѣткамъ, по критическихъ мнѣніямъ Пушкина о литературныхъ явленіяхъ въ его критическихъ статьяхъ и письмахъ мы видимъ, какъ дѣльны и плодотворны были его умственные труды. Они шли, все усиливаясь, до самой смерти, застигшей его (какъ извѣстно) на серединѣ работы надъ серьезнымъ ученымъ сочиненіемъ о Петрѣ Великомъ. Поэтическое творчество Пушкина стояло въ тѣсной связи съ его учеными занятіями: драма «Борисъ Годуновъ», напримѣръ, основана на историческомъ изученіи эпохи и на изученіи сочиненій Шекспира; повѣсть «Капитанская дочка» стоитъ въ тѣсной связи съ «Исторіей пугачевскаго бунта» и т. д. и т. д. Геніальный художникъ совершенно ясно понималъ, что поэтическое творчество только тогда можетъ быть плодотворнымъ, когда подъ нимъ есть научная почва.

Что касается нравственной стороны поэта, то сильное слово говоритъ въ пользу чистоты его сердца, его созданія, за исключеніемъ тѣхъ произведеній ранней юности, про которыя впослѣдствіи самъ онъ, осуждая ихъ, выразился:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Во всѣхъ остальныхъ сочиненіяхъ личность Пушкина является намъ возвышенной и прекрасной. Тотъ идеалъ, во имя котораго судитъ онъ героевъ своей поэзіи, стоитъ на недосягаемой нравственной высотѣ, и мы не найдемъ ни одного темнаго явленія въ жизни, ни одной дурной черты въ человѣческомъ характерѣ, которыя бы онъ не то что оправдалъ, а хотя бы только не замѣтилъ, мимо которыхъ онъ прошелъ бы спокойно и равнодушно.

Разладъ, отчаянье, безотрадная скорбь были чужды его поэтическому созерцанію,—онъ всегда находилъ изъ нихъ выходъ, и всего чаще этимъ выходомъ была любовь къ молодой жизни, къ молодому поколѣнію, идущему смѣнить поколѣніе прежнее. Такимъ чувствомъ любви къ новой жизни проникнута, наприм., элегія «Брожу ли я...», гдѣ чувство скорби поэта о своей близкой смерти уступаетъ мѣсто чувствамъ болѣе возвышеннымъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Подобныхъ примѣровъ можно привести не мало.

Существуетъ мнѣніе (и оно укоренилось у насъ), что Пушкинъ былъ зараженъ родовыми предразсудками, аристократической гордостью. Если мы вникнемъ въ отношенія Пушкина къ народу и къ лицамъ изъ народа, являющимся въ его поэзіи, если мы вспомнимъ о его отношеніяхъ къ старушкѣ-нянѣ, то справедливость обвиненія невольно покажется намъ сомнительной. Дѣло это требуетъ серьезнаго изслѣдованія; но нельзя и теперь не замѣтить, что уваженіе Пушкина къ своимъ предкамъ—въ сущности сводится къ уваженію ихъ историческихъ заслугъ. Такъ, въ одномъ письмѣ о драмѣ «Борисъ Годуновъ», онъ съ нѣкоторой гордостью говоритъ о Гав-

рилѣ Пушкинѣ, что тотъ сидѣлъ въ думѣ въ 1616 г. рядомъ съ Кузьмой Мининымъ.

«Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго» (выразился поэтъ въ одной замѣткѣ). «Потомство Мининыхъ и Ломоносовыхъ по справедливости можетъ гордиться сими именами, какъ лучшимъ своимъ достояніемъ».

Чувство любви является въ поэзіи Пушкина такимъ просвѣтленнымъ и чистымъ, что мы останавливаемся передъ нимъ съ невольнымъ благоговѣніемъ. Такія лирическія стихотворенія, какъ «Я помню чудное мгновенье», «Въ послѣдній разъ твой образъ милый» и особенно «Для береговъ отчизны дальней» — несомнѣнно принадлежатъ къ перламъ всемірной поэзіи, какъ по высотѣ и силѣ чувства, такъ и по изумительной красотѣ его выраженія.

На свое призваніе, на свое творчество Пушкинъ смотрѣлъ очень серьезно. Еще въ 26-мъ году, въ Михайловскомъ, въ стихотвореніи «Пророкъ» онъ высказалъ, какъ высоки были его требованія отъ поэта:

Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

Въ этихъ стихахъ слышится религіозное настроеніе. Это настроеніе усиливалось у Пушкина съ годами, и въ концѣ дѣятельности вызвало рядъ глубокихъ духовныхъ стихотвореній.

Послѣднее время жизни, когда поэтъ, по выраженію Лермонтова, вступилъ

Въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный,
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей,

было для него тяжелой порой, временемъ мелочныхъ оскорбленій, разрушенія жизненныхъ мечтаній о счастьи... Онъ находилъ тогда утѣшеніе въ религіозномъ чувствѣ и въ сознаніи нравственной высоты своего дѣла, своей поэзіи:

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна,
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца!

Этими стихами и закончилась дѣятельность Пушкина.

Великій поэтъ и нравственно-возвышенная благородная человѣческая личность неразрывно связаны въ нашемъ Пушкинѣ. Ставя ему памятникъ, Россія чтитъ въ немъ одинаково поэта и человѣка.

Вѣчная тебѣ слава, великій гражданинъ русской земли!

РѢЧЬ О ПУШКИНѢ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

29 января 1887 года.

Русское общество вспоминаетъ въ настоящіе дни великое трагическое событіе, совершившееся 50 лѣтъ тому назадъ. 29-го января 1837 года смерть унесла въ могилу тѣло Пушкина, а высокій духъ поэта перешелъ въ жизнь вѣчную. Исполнившееся полустолѣтіе съ той знаменательной минуты невольно вызываетъ на размышленіе, на воспоминаніе о великой творческой дѣятельности почившаго генія.

Этотъ геній—наша слава передъ міромъ; онъ и его созданія—одно изъ нашихъ главныхъ правъ на имя великаго народа.—Пушкинъ есть завершеніе великаго историческаго процесса, начавшагося со временъ Петра, прекрасный и благоуханный цвѣтъ того растенія, которое развивалось изъ сѣмянъ, брошенныхъ Преобразователемъ въ богатую, плодородную почву русской жизни.—Наша русская жизнь, наша родная, отъ эпохи крещенія Владиміра, и еще раньше, отъ глубины доисторическихъ временъ развивавшаяся культура стала воспринимать въ себя, со временъ Петра, начала образованности западно-европейской. Великій процессъ органическаго сліянія чужой просвѣтительной стихіи съ нашей народной образованностью всего сильнѣе и яснѣе сказался въ литературѣ и особенно въ

ея главной отрасли—поэзіи. Но до Пушкина этотъ процессъ представлялъ еще только хаотическое броженіе силъ. До Пушкина наша новая литература имѣетъ интересъ и значеніе лишь для насъ самихъ. Въ великомъ поэтѣ, въ его геніальномъ творчествѣ впервые выдѣлился изъ хаоса новый міръ, и глубокое содержаніе, правда и живая краса этого міра имѣютъ безусловную цѣнность, цѣнность для всего свѣта. Пушкинъ началъ собою тотъ періодъ русской литературы, который имѣетъ значеніе всеобщее. Пушкинъ то-же въ русской литературѣ, что Шекспиръ или Байронъ въ англійской, Мольеръ или Викторъ Гюго во французской, Сервантесъ—въ испанской, Шиллеръ или Гете—въ нѣмецкой и т. д, съ тою разницей, что въ немъ, какъ въ русскомъ поэтѣ временъ преобразованной Петромъ Россіи, мы видимъ синтезъ всѣхъ культурныхъ началъ. Оттого поэзія Пушкина—безконечно широка: Пушкинъ—свой вездѣ, во всемъ мірѣ; ему одинаково доступны и древняя Русь, и средневѣковая Европа, и Испанія и древній Римъ. Духомъ мѣста и времени, оригинальнымъ характеромъ эпохи и народности проникнуты и драма «Русалка», и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», и «Каменный гость», и «Моцартъ и Сальери»,—явленіе единственное во всемірной литературѣ, ибо никто изъ поэтовъ не былъ въ состояніи такъ переноситься въ чужую жизнь, такъ воспринимать ее и отражать въ своемъ творчествѣ, какъ Пушкинъ. Но это свойство не лишало его оригинальности, народной и индивидуальной, личной. Напротивъ, въ широтѣ захвата его поэзіи и сказалась ея главная народная особенность; поэтъ не подчинялся тѣмъ мірамъ, которые такъ правдиво отражалъ въ своемъ творчествѣ, а смотрѣлъ на нихъ спокойно, съ той высшей точки зрѣнія, на которую поставила его народная и личная высота его духа, съ точки зрѣнія безконечно высокаго идеала, идеала, въ которомъ примиряются противоположности и кажущіяся противорѣчія жизни человѣчества.

Что-же касается личной оригинальности Пушкина, то кому она теперь не ясна? Кому неизвѣстна неподражаемая художественная *красота* созданій нашего поэта? Какъ поэтъ-художникъ Пушкинъ не имѣетъ себѣ соперниковъ; изящнѣе, прекраснѣе его созданій нѣтъ ни у кого ни въ одной литературѣ міра.

Но эта индивидуальная особенность Пушкина вмѣстѣ съ тѣмъ и ставитъ грани его поэзіи. Поэтъ красоты, художникъ по-преимуществу, Пушкинъ могъ изображать только положительныя стороны и явленія дѣйствительности. Явленія отрицательныя, зло и пошлость, не входили въ кругъ его творчества. Для изображенія ихъ въ нашей жизни долженъ былъ явиться новый геній; онъ и явился въ лицѣ Гоголя. Пушкинъ самъ прежде и лучше всѣхъ съумѣлъ понять это, съумѣлъ оцѣнить своего великаго современника.

Необъятная ширь содержанія, дивная художественная красота, простота и добродушіе и спокойный веселый юморъ (свидѣтельствующіе о близости поэта къ жизни народа), нѣжность и гуманность, кроткая человѣчность чувства,—вотъ черты, отличающія нашего Пушкина. Въ концѣ жизни великаго поэта эти возвышенныя свойства его личности все ближе и ближе подходили къ религіозному настроенію духа. Религіозное чувство жило въ немъ съ давнихъ поръ и все усиливалось съ годами. Выразившись въ 1826 году въ стихотвореніи «Пророкъ», оно сказалось потомъ въ поэмѣ «Галубъ», въ запискахъ о путешествіи въ Арзерумъ, въ цѣломъ рядѣ лирическихъ стихотвореній; въ концѣ жизни поэтъ зачитывался Евангеліемъ и житіями Святыхъ и задумывалъ большую поэму религіознаго характера.

Но параллельно съ этимъ въ душѣ его въ послѣднюю эпоху дѣятельности развивалось, отражаясь и въ творчествѣ, чувство глубокой тоски. Было-ли это одно недовольство поэта окружавшей его дѣйствительностью, нашей

русской и вообще человѣческой, или сюда примѣшивалось и личное горе неудавшейся жизни, неудавшагося семейнаго счастья, и неудовлетворенность собою и своей дѣятельностью,—это загадка. Во всякомъ случаѣ это чувство тоски, указывая намъ слабую сторону великой творческой силы, въ то-же время свидѣтельствуетъ и о высотѣ нравственныхъ требованій поэта, о высотѣ его идеала.

Припомнимъ вкратцѣ ходъ развитія торчества Пушкина; припомнимъ, какъ усвоивались имъ различныя поэтическія стихіи и культурныя начала и какъ вырабатывалась изъ нихъ оригинальная, новая, Пушкинская поэзія.

Дѣтство въ отцовскомъ домѣ и ранняя юность, время воспитанія въ Лицеѣ, не были вообще благопріятны для будущаго поэта въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Въ домѣ Пушкиныхъ жизнь шла на французскій ладъ; а лицеисты того времени предавались пирушкамъ и грубымъ шалостямъ. Но няня Арина Родіовна съ ея сказками и пѣснями и литературное направленіе въ Лицеѣ сказались благотворно на развитіи юнаго Александра Сергѣевича; благодаря нянѣ, онъ сроднился съ русской народной жизнью и полюбилъ ее; благодаря чтенію поэтовъ, онъ страстно привязался къ литературѣ. Это чтеніе было, однако, тоже обоюдоострымъ: увлеченіе Вольтеромъ и его подражателями дурно вліяло на Пушкина. Впрочемъ отъ этого вліянія спасала его поэзія Жуковскаго, которую онъ съ дѣтства полюбилъ горячо, всею душою. По выходѣ изъ Лицея Пушкинъ предался-было пустой свѣтской жизни, попалъ въ дурной кружокъ кутящей молодежи. Но въ эту жизнь не вся ушла душа его: изъ ея глубины подымался порою благородный протестующій голосъ, какъ объ этомъ прекрасно свидѣтельствуетъ стихотвореніе 1819 г. «*Возрожденіе*»: поэтъ сравнилъ здѣсь помрачавшія его душу заблужденія съ чуждыми красками, которыя налагаетъ

варваръ-художникъ на картину генія, и которыя съ годами спадаютъ съ нея, открывая прежнюю красоту картины:

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Высылка молодаго поэта, за нѣкоторыя неосторожныя эпиграммы, на югъ изъ Петербурга—положила конецъ подражательному періоду его дѣятельности и быть можетъ спасла его геній отъ погибели въ ложныхъ увлеченіяхъ. Пушкинъ уѣзжалъ изъ сѣверной столицы еще съ неопредѣлившимся исходомъ происходившей въ его душѣ борьбы добра и зла; онъ могъ сказать тогда про себя написанные имъ въ 1818 г. стихи:

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь;
Я много обѣщаю,—
Исполню-ли,—Богъ вѣсть!

Новыя, могучія впечатлѣнія юга благотворно подѣйствовали на молодую и чуткую душу Пушкина. Правда, чувственная и грубая жизнь Кишинева дѣйствовала какъ отрава; но этой отравѣ предшествовалъ Кавказъ съ его грандіозной природой, Таврида съ ея «стройными тополями», «нѣжными миртами» и «темными кипарисами», съ ея Чернымъ моремъ; затѣмъ—дружба съ семействомъ Раевскихъ, встрѣча съ какой-то поэтической женщиной, возбудившей въ душѣ чистую, возвышенную любовь, и наконецъ могучее дѣйствіе поэзіи Байрона... Все это не только охранило поэта отъ зла, но и дало могучій толчокъ его дѣятельности, пробудило въ его творчествѣ, дотолѣ отличавшемся нѣкоторою холодностью, горячее чувство...

Увлеченіе Байрономъ не сдѣлало Пушкина подражателемъ. Правда, онъ сталъ, слѣдуя великому англійскому поэту, рисовать разочарованныхъ людей, какъ напр. Кав-

казскаго плѣнника, и даже сочувствовать имъ; но не трудно замѣтить, что онъ уже съ самаго начала не столько подражалъ байронизму, сколько боролся съ нимъ. А въ поэмѣ «*Цыганы*» онъ уже положительно развѣнчиваетъ гордый байроническій характеръ, переростая такимъ образомъ одного изъ своихъ главныхъ учителей въ поэзіи. Пушкинъ чувствуетъ и цѣнитъ все поэтическое, возвышенное значеніе энергическаго протеста Алеко противъ пошлости общества, въ которомъ

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Но онъ точно также понимаетъ и эгоизмъ гордой личности, готовой все принести въ жертву себѣ самой: онъ безповоротно осуждаетъ Алеко устами Старика-цыгана:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ,—
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли.
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ!
Мы робки и добры душою—
Ты золъ и смѣлъ. Оставь-же насъ!

Въ созданіи личности Старика-цыгана, благородно протестующаго противъ неумѣющаго простить и незнающаго доброты Алеко, сказались стремленія Пушкина къ народу и его благодушной жизни. Но вполнѣ понять эту жизнь для поэта еще не настала пора. Переживъ съ Байрономъ романтическое увлеченіе чувствомъ, Пушкинъ еще долженъ былъ пережить (по обыкновенному ходу развитія человѣка, прикосновеннаго къ европейской культурѣ) скептицизмъ и сомнѣніе. Сомнѣніе и посѣтило его

(правда, не надолго, благодаря художественной гармоніи его души) въ Одессѣ, выразившись главнымъ образомъ въ стихотвореніи «*Демонъ*». Улыбка, чудный взглядъ и язвительныя рѣчи Демона, по словамъ поэта,

Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Появленіе Демона скептицизма, духа сомнѣнія должно быть стоитъ въ связи съ увлеченіемъ Пушкина поэзіей поэта мысли — Гете: Пушкинъ зачитывался въ Одессѣ «Фаустомъ».

1824-мъ годомъ кончается жизнь на югѣ, кончается тотъ періодъ, когда великій художникъ усвоивалъ себѣ блестящіе и могучіе западно-европейскіе идеалы, воспринимая ихъ въ свою чуткую душу и переживая ихъ. Высылаемый изъ Одессы на сѣверъ, въ свое родное село Михайловское, поэтъ горестно прощается съ этими идеалами въ чудесномъ стихотвореніи „*Къ морю*“. Ему кажется еще, что на сѣверѣ онъ будетъ жить воспоминаніями могучихъ впечатлѣній и огненныхъ чувствъ, испытанныхъ на югѣ.

Но на родномъ сѣверѣ ждали его иныя впечатлѣнія и чувства иныя; ждала новая, не менѣе важная жизнь— жизнь народная. Въ родной русской деревнѣ онъ встрѣтилъ добрую дружбу въ простомъ русскомъ семействѣ Осиповыхъ-Вульфъ; встрѣтилъ свою дорогую старушку-няню, свою «голубку дряхлую», съ которой сталъ проводить цѣлые дни, которая опять, какъ въ дѣтствѣ, разсказывала ему сказки, пѣла пѣсни. Въ душѣ поэта проснулись тѣ народныя русскія начала, которыя жили въ ней съ дѣт-

ства; они развились теперь подъ вліяніемъ сближенія съ няней, подъ вліяніемъ сближенія съ народомъ; поэтъ сталъ собирать народныя пѣсни; Ив. В. Кирѣевскій говоритъ въ предисловіи къ своему знаменитому сборнику народныхъ произведеній, что Пушкинъ доставилъ ему замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи.—Два года жизни въ Михайловскомъ успокоили взволнованную бурными чувствами и разочарованіями душу поэта и сдѣлали его народнымъ писателемъ. Чтеніе лѣтописей, Исторіи Карамзина и изученіе Шекспира (послѣдняго великаго учителя нашего поэта) навели его на мысль написать драму изъ русской исторіи. Въ 1825 году онъ и привелъ свой замыселъ въ исполненіе: написалъ „*Бориса Годунова*“, произведеніе въ полномъ смыслѣ слова народное. Драматизмъ личности героя трагедіи, царя Бориса, состоитъ въ противорѣчіи и борьбѣ овладѣвшей его душою тревожной и бурной, чуждой его природѣ, страсти, властолюбія, съ простыми, смиренными и добрыми основами его духа.

Къ концу пребыванія въ Михайловскомъ вполнѣ выяснился въ душѣ Пушкина высокій взглядъ на свое призваніе, на назначеніе поэта. Подобно пророку, поэтъ долженъ «исполниться» волей Бога и жечь своимъ возвышеннымъ глаголомъ людскія сердца.

Въ 1826 году новый императоръ Николай Павловичъ освободилъ Пушкина отъ опалы. Съ этой поры, съ пріѣзда поэта въ Москву, гдѣ онъ встрѣтилъ восторженныхъ цѣнителей своей трагедіи, начинается новый, высшій періодъ его творчества, время органическаго, живаго сліянія въ его душѣ и въ его поэзіи тревожныхъ и страстныхъ западно-европейскихъ началъ съ простыми и добрыми началами русской народной жизни.

Первое время Пушкинъ радостно отдался впечатлѣніямъ жизни въ обществѣ; но скоро въ душѣ его появилось недовольство этой жизнью, какое-то печальное разо-

чарованіе. Съ этихъ поръ до самой женитьбы въ 31-мъ году мы видимъ его все переѣзжающимъ съ мѣста на мѣсто, какъ будто не могущимъ нигдѣ успокоиться; въ 29-мъ году онъ даже ѣдетъ въ Азію въ нашу дѣйствующую армію. Чувство тоски сказывается у него порою грустными мечтами о близости своей смерти; прекраснымъ выраженіемъ такихъ думъ является стихотвореніе «*Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ*». Въ чудныхъ стихахъ, оканчивающихъ эту элегію, сказалось все возвышенное благородство души Пушкина: онъ находитъ утѣшеніе, исходъ изъ своей тоски въ любви къ молодой жизни, въ желаніи радости и счастья молодому поколѣнію, идущему смѣнить его поколѣніе:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Большія произведенія этой поры—поэма «*Полтава*», неоконченный романъ «*Арапъ Петра Великаго*» и, также неоконченная, поэма «Галубъ». Въ двухъ первыхъ произведеніяхъ съ замѣчательною художественной силой нарисовалъ поэтъ образъ Петра Великаго,—въ «Полтавѣ» его энергію, душевную мощь, его великодушіе; въ «Арапѣ Петра Великаго»—его трудолюбіе и добродушную простоту жизни. Петръ съ этихъ поръ сильно занимаетъ творческую фантазію нашего поэта. Пушкинъ чувствовалъ сродство своего духа съ духомъ великаго Царя, понималъ, что его значеніе въ поэзіи таково же, какъ значеніе Петра въ практической жизни Россіи. Чудесно опредѣляетъ поэтъ русскаго Царя стихами «*Стансовъ*».

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Впослѣдствіи Пушкинъ пишетъ поэму «Мѣдный Всадникъ» и принимается за исторію Петра; но онъ останавливается среди работъ надъ этой послѣдней, пораженный страннымъ соединеніемъ въ личности Преобразователя великаго и благороднаго генія съ типомъ «бича Божьяго».

Поэма «*Галубъ*» служитъ выраженіемъ овладѣвшаго душой Пушкина религіознаго настроенія. Путешествіе по Кавказу пробудило въ немъ мысль о необходимости христіанской проповѣди среди кавказскихъ племенъ. Поэма рисуетъ намъ противоположность чувствъ любви, прощенія и великодушія христіанскаго юноши съ суровыми и мстительными страстями дикаго горца. По плану поэмы Тазитъ долженъ былъ сдѣлаться потомъ проповѣдникомъ христіанской вѣры среди своихъ соотечественниковъ.

Посватавшись въ 1829 г. за Наталью Николаевну Гончарову, Пушкинъ въ 1830 г. получилъ согласіе и уѣхалъ устраивать хозяйственныя дѣла въ Нижегородскую губернію въ деревню Болдино. Холера заперла его здѣсь на-долго карантинами. Повидимому скучая въ одиночествѣ и безпокоясь о невѣстѣ, онъ былъ, однако, счастливъ въ это время; по крайней мѣрѣ никогда, ни прежде, ни послѣ, творчество его не было такъ разносторонне, такъ полно, такъ высоко, какъ въ осень 1830 года въ Болдинѣ. Геній его достигъ въ это время наибольшей степени развитія. Пушкинъ написалъ двѣ послѣднихъ главы «Онѣгина», повѣсти Бѣлкина, нѣсколько мелкихъ драмъ и до 30 лирическихъ стихотвореній.

Онѣгинъ и *Бѣлкинъ* — два существенныхъ и противоположныхъ типа поэзіи Пушкина. Онѣгинъ—это русскій человѣкъ, развившійся подъ иностранными вліяніями, давшій перевѣсъ въ себѣ чужимъ началамъ надъ родными; въ его душѣ раздвоеніе, разладъ между умомъ и сердцемъ; прежде онъ былъ романтикомъ, потомъ сталъ скептикомъ; оттого онъ разочарованъ; но это разочаро-

ваніе искренне лишь на-половину, на-половину оно напускное, онъ имъ рисуется, ибо онъ эгоистъ, выше всего ставящій свою личность. Изъ эгоизма и желанія порисоваться горькой опытностью онъ заглушаетъ въ душѣ своей возникавшее чувство любви къ Татьянѣ.—Бѣлкинъ, въ противоположность Онѣгину, человѣкъ простой, добрый и смиренный; въ немъ мы видимъ гармоническое согласіе душевныхъ силъ, и потому здоровую крѣпость нравственныхъ основъ; но онъ непосредственъ и наивенъ, и потому нѣсколько комиченъ, и въ немъ нѣтъ страстнаго и могучаго развитія отдѣльныхъ душевныхъ силъ, ума, чувства, воли, какъ въ типѣ ему противоположномъ.—Пушкинъ одинаково объективно и безпристрастно относится къ обоимъ типамъ: онъ развѣнчиваетъ въ великомъ романѣ Онѣгина съ его эгоизмомъ; но онъ не увлеченъ и Бѣлкинымъ и спокойно видитъ его слабую сторону. Самъ поэтъ стоитъ выше и Онѣгина, и Бѣлкина.

Любимый типъ его творчества, типъ, на сторонѣ котораго всѣ его и умственныя, и нравственныя сочувствія, есть, конечно, *Татьяна*, поэтическій образъ, который, вмѣстѣ съ Тургеневской Лизой, можно назвать высшимъ образомъ русской поэзіи. Пушкинъ проводитъ насъ въ романѣ черезъ всѣ періоды жизни своей любимой героини: мы знакомимся съ дикой и боязливой мечтательной дѣвочкой Таней, любящей фантастическія сказки и природу; мы переживаемъ съ этой Таней, когда она превратилась во взрослую дѣвушку, романтическій періодъ увлеченія чувствомъ, сердечными грезами; поэтъ дѣлаетъ насъ свидѣтелями умственнаго развитія Тани на чтеніи книгъ Онѣгина, на размышленіяхъ о немъ самомъ, объ этомъ разочарованномъ эгоистѣ. И наконецъ въ послѣднихъ главахъ съ изумительной поэтической силой передъ нами нарисованъ образъ женщины, вполнѣ владѣющей собою, съумѣвшей гармонически примирить въ душѣ и умъ, и сердце, и волю, потому что, глубоко развивъ эти

силы духа на воспринятыхъ началахъ европейской культуры, Татьяна осталась въ то-же время простымъ и добрымъ и искреннимъ русскимъ человѣкомъ. Чистая и строгая, правдивая и простая, Татьяна вполнѣ понимаетъ жизнь и людей, и изумителенъ по своей умственной и нравственной, по своей поэтической глубинѣ и прелести ея послѣдній разговоръ съ Онѣгинымъ, гдѣ она такъ справедливо и кротко произноситъ правдивый приговоръ надъ самого себя не понимающимъ эгоистомъ.

Съ этимъ приговоромъ Татьяны по поэтическому достоинству, по глубинѣ и теплотѣ чувства, по изяществу его выраженія могутъ сравниться развѣ только двѣ элегіи того-же 30-го года: «*Въ послѣдній разъ твой образъ милый*» и

Для береговъ чужбины дальней
Ты покидала край родной...

Въ этихъ стихотвореніяхъ Пушкинъ прощается съ предметомъ своей давней, возвышенной и чистой любви. Поэту угодно было скрыть отъ насъ—кто была эта, такъ благоговѣйно, такъ свято имъ любимая женщина; но должно быть ея образъ былъ тѣсно связанъ въ его душѣ съ образомъ любимой героини его поэзіи:

А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеалъ,—
О, много, много рокъ отъялъ!

восклицаетъ поэтъ въ концѣ романа.

Въ 1831 году Пушкинъ женился. Красота Нат. Ник. Гончаровой, надежда въ бракѣ съ молодой и не затронутой еще, быть можетъ, свѣтской пошлостью дѣвушкой найти семейное счастье, очаровали великаго художника. Съ этихъ поръ всѣ мечты и думы его, и личныя, и поэтическія, литературныя, сосредоточиваются на семьѣ. Онъ поселяется осѣдло въ Петербургѣ и начинаетъ писать произведенія въ народномъ духѣ: перелагаетъ въ

свои художественные, вдохновенные стихи народныя *сказки*, уже давно записанныя имъ со словъ Арины Родіоновны, сочиняетъ прозаическія повѣсти — «*Дубровскаго*», «*Капитанскую дочку*».—«Капитанская дочка» не была оцѣнена въ свое время по достоинству; но кому не понятна теперь вся изумительная красота этой семейной хроники, этихъ дивныхъ картинъ простаго русскаго народнаго быта?

Первое время послѣ брака Пушкину казалось, что онъ нашелъ искомое имъ счастье мирной семейной жизни. Но потомъ онъ разочаровался. Наталья Николаевна была женою любящей и вѣрной; но... Пушкинымъ пришлось вести свѣтскій и разсѣянный образъ жизни. Поэтъ мечталъ объ отставкѣ и деревнѣ, о независимости и мирномъ трудѣ; а его связали—свѣтскія приличія, выѣзды, танцы, придворная служба, непосильные денежные расходы. Тоска овладѣла душой Пушкина, какъ это было уже прежде, послѣ освобожденія изъ Михайловскаго. И точно такъ-же, какъ прежде, параллельно съ тоскою, смягчая и утоляя ее, стало усиливаться въ его душѣ высокое религіозное чувство. Съ сердечнымъ увлеченіемъ читалъ поэтъ Священное Писаніе, житія Святыхъ, сочинялъ религіозныя произведенія; такъ, онъ переложилъ въ вдохновенные стихи умиленную великопостную молитву «Господи и Владыко живота моего»; такъ, онъ задумалъ и уже началъ писать большую религіозную поэму, въ которой хотѣлъ представить столкновеніе древняго языческаго римскаго міра съ христіанствомъ.— Но и эти высокіе замыслы и чувства не остановили готовившейся катастрофы. То общество, среди котораго пришлось поэту жить послѣдніе годы, ненавидѣло его, и, лицемѣрно чтя его геній, не могло выносить его нравственной высоты надъ собою.

Они вѣнокъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него.

Но иглы тайныя сурово
Явили славное чело.

Пошли клеветы и сплетни и навѣты; начались дерзкія и наглыя ухаживанія за Наталіей Николаевной молодаго офицера, француза по происхожденію, усыновленнаго голландскимъ посланникомъ, барона Дантеса-Геккерна. И эта послѣдняя капля переполнила чашу: сдержанный и спокойный, благодушный поэтъ вышелъ изъ-себя отъ негодованія и вызвалъ оскорбителя на поединокъ.

Въ гармонически согласной душѣ Пушкина нарушилось согласіе, и та стихія духа, огненная и ревнивая, которую нѣкогда въ юности олицетворялъ онъ въ образахъ, подобныхъ Алеко, на мигъ взяла перевѣсъ надъ всѣми другими силами. Уже смертельно раненый, поэтъ приподнялся съ земли и съ гнѣвомъ въ лицѣ послалъ отвѣтный выстрѣлъ противнику. Но гнѣвъ и злоба овладѣли имъ именно только на мигъ. Они быстро оставили его душу и смѣнились христіански-кроткимъ настроеніемъ. Жуковскій, не покидавшій Пушкина въ послѣдніе часы его жизни, писалъ потомъ отцу его:

> онъ какъ будто сдѣлался иной; буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстью, исчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся.

Данзасъ, секундантъ поэта, спросилъ его: не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти касательно Геккерна? Пушкинъ отвѣтилъ: «требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ».

Онъ такъ и умеръ, истиннымъ христіаниномъ, просвѣтленный и чистый. Жуковскій долго смотрѣлъ ему въ лице тотчасъ послѣ кончины...

> Я увѣряю тебя (писалъ онъ потомъ отцу поэта), что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной мысли. Она, ко-

нечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.

Скорбное событіе русской жизни вспоминаемъ мы сегодня, чествуя память великаго человѣка. Но да послужатъ намъ утѣшеніемъ прекрасныя слова Жуковскаго о высокомъ настроеніи души умиравшаго Пушкина. Смерть—событіе великое, и не только горестное, а и радостное: она разрушаетъ нашу земную жизнь, но она есть начало жизни вѣчной.

Пушкинъ умеръ неожиданно и внезапно, въ разцвѣтѣ своихъ великихъ творческихъ силъ. Но да послужитъ намъ и здѣсь утѣшеніемъ мысль, что много имъ сдѣлано, и не будемъ сокрушаться о томъ, чего онъ не совершилъ, не успѣлъ совершить. Онъ сдѣлалъ много, и честно и свято выполнилъ свое великое назначеніе на землѣ.

Ничѣмъ, конечно, лучше не можемъ мы почтить его память, память этой нашей чистой славы, какъ изучая, съ уваженіемъ и любовью, его великія, его безсмертныя созданія, созданія, которыя оправдали его вѣщія слова о себѣ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ!

„Евгеній Онѣгинъ", романъ Пушкина *).

Прошло болѣе шестидесяти лѣтъ со времени окончанія Пушкинымъ романа Евгеній Онѣгинъ; но нельзя думать, что критика сказала уже послѣднее слово объ этомъ великомъ созданіи. Великія произведенія искусства всегда отличаются неисчерпаемою глубиной, а потому и невозможно, конечно, ожидать, чтобы въ какое-либо время вполнѣ закончились ихъ оцѣнка и пониманіе, и всякая новая эпоха, всякое новое поколѣніе найдутъ въ нихъ нѣчто не замѣченное и не оцѣненное прежде. Съ другой стороны, нельзя не видѣть и того, что въ нашей литературной критикѣ, несмотря на внутреннее богатство одного изъ ея періодовъ (съ половины тридцатыхъ по шестидесятые годы), не такъ много сказано существеннаго о романѣ Пушкина. Бѣлинскій далъ подробный анализъ его въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ о великомъ поэтѣ. Но когда онъ писалъ послѣднія изъ статей, его пламенною душой уже начинали овладѣвать публицистическія теоріи; кромѣ того, въ нихъ болѣе, можетъ-быть, чѣмъ гдѣ-либо, сказалось его западничество; и потому великій критикъ, вопреки своему художественному и нравственному чувству, далеко не справедливъ въ оцѣнкѣ героевъ Пушкина: такъ, онъ принижаетъ Ленскаго; прекрасно указывая свѣтлыя стороны Онѣгина, не видитъ сторонъ противоположныхъ. Что же касается Татьяны, то въ его отношеніяхъ къ ней несомнѣнны противорѣчія: онъ то останавливается предъ

*) Русское Обозрѣніе 1890, № 6.

ея нравственнымъ образомъ въ восторгѣ и благоговѣніи, то пытается развѣнчать его; то считаетъ ее „геніальнымъ исключеніемъ“ въ окружающей ее пошлой средѣ, то называетъ ее типическою личностью, въ которой выразились всѣ недостатки русской женщины. Болѣе важно то, что сказали о Татьянѣ и Онѣгинѣ и вообще о романѣ Пушкина Аполлонъ Григорьевъ и Достоевскій (полѣдній — въ своей рѣчи о поэтѣ). У обоихъ критиковъ мы встрѣчаемъ глубокія прозрѣнія въ сущность дѣла. Но оба они ограничились общими указаніями, не входя въ подробности, не давая цѣльнаго разбора произведенія.

Всѣ эти факты и соображенія да послужатъ объясненіемъ предлагаемой попыткѣ вновь разсмотрѣть великій романъ величайшаго русскаго писателя.

Евгеній Онѣгинъ, начатый на югѣ и оконченный въ Болдинѣ,—главное созданіе Пушкина. Въ теченіе восьми лѣтъ былъ онъ предметомъ глубокихъ думъ и творческихъ вдохновеній поэта. Романъ имѣетъ великое общественное здаченіе: Пушкинъ изобразилъ въ немъ все, что было важнаго, существеннаго въ жизни русскаго общества его времени; здѣсь предъ нами и бытъ деревни, и жизнь столицъ; и простые русскіе люди, живущіе по старинѣ, и русскіе люди, развившіеся подъ западно-европейскими вліяніями; и возвышенные характеры, и низменные. Со временъ Петра Великаго въ русской общественной жизни замѣчаются два параллельныя теченія: одно беретъ начало въ западно-европейской цивилизаціи, съ которою породнилъ насъ царь Преобразователь; другое есть продолженіе нашего древняго русскаго быта. Пушкинъ, какъ великій поэтъ и полный выразитель духа своего народа, совмѣщалъ въ себѣ обѣ эти струи духовной жизни и съ одинаковымъ совершенствомъ изображалъ въ своей поэзіи типическихъ представителей той и другой. Въ высочайшемъ своемъ созданіи—*Евгеніи Онѣгинѣ*—онъ и рисуетъ намъ въ яркомъ свѣтѣ обѣ сто-

роны нашей общественной жизни: Онѣгинъ и Ленскій возрасли и развились подъ иностранными вліяніями; старики Ларины и няня Татьяны живутъ по преданіямъ и обычаямъ стариннаго русскаго быта. Но кромѣ этого общественнаго значенія, романъ Пушкина имѣетъ еще высшій смыслъ: въ немъ нарисованъ идеальный образъ русской женщины, въ которомъ воплотились высшія стремленія русской души, какъ ихъ понималъ великій нашъ поэтъ.

Герой романа, давшій произведенію свое имя,—Евгеній Онѣгинъ. Мы знакомимся съ нимъ съ самаго его дѣтства, знаемъ всѣ періоды его жизни, (Пушкинъ самъ поставилъ такія формы своему повѣствованію: о жизни обоихъ героевъ—Онѣгина и Татьяны—онъ разсказываетъ въ хронологическомъ порядкѣ, строго соблюдая его относительно Татьяны и не совсѣмъ выдерживая, какъ увидимъ, относительно Онѣгина). Сынъ свѣтскаго барина, достаточнаго человѣка, Онѣгинъ былъ воспитанъ по-свѣтски. Сперва за нимъ ходила madame, потомъ ее смѣнилъ гувернеръ monsieur l'Abbé, который училъ мальчика шутя, водилъ гулять въ Лѣтній Садъ и не докучалъ ему «моралью строгой». Онѣгинъ учился и исторіи, и словесности, и латыни, но всему «кое-какъ». Изъ исторіи онъ ознакомился съ анекдотами минувшихъ временъ—«отъ Ромула до нашихъ дней»; по-латыни «зналъ довольно», чтобы

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить: vale,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.

Въ области литературы «бранилъ Гомера, Ѳеокрита», и чтенію поэтовъ предпочиталъ Адама Смита, потому что въ то время въ свѣтскомъ обществѣ была мода на политико-экономическія сочиненія. Въ совершенствѣ была

извѣстна Онѣгину только одна наука — «наука страсти нѣжной» (какъ выразился поэтъ), т.-е. умѣнье ухаживать; да зналъ онъ еще французскій разговорный языкъ, умѣлъ непринужденно кланяться и легко танцовать мазурку. Въ восемнадцать лѣтъ образованіе и воспитаніе его кончились, онъ вступилъ въ свѣтское общество, — и свѣтъ рѣшилъ,

Что онъ уменъ и очень милъ.

Нѣкоторые нашли его даже человѣкомъ ученымъ, даже переученымъ.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, славу Богу,
У насъ не мудрено блеснуть,

говоритъ поэтъ. Онѣгинъ къ тому же умѣлъ поражать своимъ счастливымъ талантомъ —

Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ...

Со вступленія въ свѣтъ начинается второй періодъ его жизни. Въ праздности и пустомъ разсѣяньи проводитъ Онѣгинъ время; поздно проснувшись, еще въ постели получаетъ онъ приглашенія на балы; вставши, занимается долго и внимательно своимъ туалетомъ; потомъ ѣдетъ «въ утреннемъ уборѣ» гулять; потомъ спѣшитъ обѣдать въ модный ресторанъ, гдѣ уже ждутъ его пріятели, такіе же праздные свѣтскіе люди, какъ онъ; обѣдъ ихъ отличается изысканностью и роскошью. Съ обѣда Онѣгинъ ѣдетъ въ театръ, въ балетъ (оперныя и драматическія представленія, какъ требующія нѣкотораго напряженія умственныхъ способностей и серьезнаго къ нимъ отношенія, его не привлекаютъ). Вернувшись домой, онъ два-три часа проводитъ передъ зеркаломъ, опять усердно

занимаясь туалетомъ. Здѣсь Пушкинъ рисуетъ кабинетъ Онѣгина съ наполняющими его янтаремъ, фарфоромъ и бронзой, гребенками, стальными пилочками для ногтей, ножницами, щетками «тридцати родовъ» и другими предметами, свидѣтельствующими какимъ истиннымъ франтомъ былъ герой романа. Затѣмъ Онѣгинъ отправляется на званый вечеръ; иногда въ одну ночь успѣваетъ побывать на двухъ-трехъ балахъ. Тутъ открывается для него широкое поприще прикладывать къ дѣлу плоды своего воспитанія, свои знанія—модное свѣтское остроуміе и «науку страсти нѣжной»; тутъ ухаживаетъ онъ за свѣтскими барышнями и барынями, разыгрывая роль, то очарованнаго, то равнодушнаго, то готоваго придти въ отчаянье. Домой пріѣзжаетъ онъ утромъ, когда дѣловой людъ столицы уже проснулся для своихъ дневныхъ занятій. И такъ изо-дня въ день убиваетъ Онѣгинъ время. Но тутъ слѣдуетъ сказать къ чести его, что такая пустая жизнь ему, наконецъ, надоѣдаетъ; онъ начинаетъ скучать.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче—русская хандра
Имъ овладѣла понемногу,

говоритъ поэтъ. Онѣгина перестаютъ интересовать и балы, и балетъ, и изысканные обѣды. Онъ охладѣваетъ къ жизни и разочаровывается; онъ появляется въ гостиныхъ угрюмый, подобный Чайльдъ-Гарольду. На первый взглядъ это сходство съ героемъ Байрона представляется внѣшнимъ и разочарованіе Онѣгина мелочнымъ; но нельзя однако не признать, что онъ цѣлою головой выше тѣхъ своихъ товарищей и сверстниковъ, которые такъ и остались до конца дней пустыми людьми и не усомнились въ важности своей свѣтской жизни. Въ душѣ Онѣгина было нѣчто высшее, что влекло его къ иному бытію; натура его была не дюжинная. Бросивъ свѣтъ, Онѣгинъ

заперся дома и принялся за книги; сперва онъ хотѣлъ сочинять, но когда это не удалось, предался чтенію. Однако и чтеніе не пошло на ладъ, и скоро Онѣгинъ бросилъ книги

И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

Обо всемъ этомъ Пушкинъ въ первой главѣ романа разсказываетъ очень кратко: мы не знаемъ, что именно читалъ Онѣгинъ, не знаемъ и какое впечатлѣніе произвели на него прочитанныя книги и даже произвели ли онѣ впечатлѣніе, помогли ли ему умственно развиться? Здѣсь предъ нами художественный недостатокъ въ первой главѣ романа; Пушкинъ писалъ эту главу въ Одессѣ, въ 1823 году, когда талантъ его еще далекъ былъ отъ полнаго развитія и когда онъ смотрѣлъ на свое произведеніе, какъ на легкую шутливую поэму, самъ уподобляя ее «Беппо» Байрона. Онъ въ то время

даль свободную романа,
Какъ сквозь магическій кристалъ,
Еще не ясно различалъ.

Дальнѣйшія главы романа, однако, поправляютъ дѣло. Въ XXXV строфѣ 8-й главы поэтъ, разсказывая, какъ Онѣгинъ, въ отчаяніи отъ холодности Татьяны, заперся въ кабинетѣ и сталъ читать, перечисляетъ занявшихъ его авторовъ:

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора,
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера. Шанфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы...

На основаніи этого можно думать, что такія же, или подобныя книги читалъ Онѣгинъ и раньше. Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что у него подъ руками были и дѣльныя, серьезныя сочиненія очень разнообразнаго содержанія. Что касается другаго вопроса — какъ подѣйствовало чтеніе книгъ на развитіе ума Онѣгина, то на него можно отвѣтить еще съ большею опредѣлительностью. Несомнѣнно, что это чтеніе было благотворнымъ для развитія героя романа. Чтеніе было для Онѣгина, какъ и для самого Пушкина, средствомъ самообразованія, пополнившимъ пробѣлы въ поверхностномъ воспитаніи. Послѣдующія главы произведенія изображаютъ отношенія Онѣгина къ людямъ, съ которыми ему пришлось познакомиться въ деревнѣ, и оказывается, что Онѣгинъ умѣетъ понимать людей (къ чему уже совершенно не былъ подготовленъ своимъ поверхностнымъ образованіемъ): онъ сразу отличилъ Ленскаго среди другихъ своихъ сосѣдей, съ которыми разошелся послѣ первой же встрѣчи; онъ съ перваго взгляда съумѣлъ оцѣнить Татьяну, нашелъ ее неизмѣримо выше ея младшей сестры Ольги. Возвращаясь домой съ Ленскимъ послѣ перваго посѣщенія Лариныхъ, онъ выражаетъ удивленіе, что юноша очарованъ Ольгой, онъ говоритъ:

Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ:
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ.

Умѣнье понимать людей сказалось даже въ небрежной оцѣнкѣ Онѣгинымъ матери Татьяны и Ольги:

А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка.

Конечно, и помимо книгъ, сама жизнь развиваетъ умъ человѣка; но что у Онѣгина дѣло развитія не обошлось безъ книгъ, объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ предметы его разговоровъ съ Ленскимъ. Разго-

воры эти были вполнѣ серьезнаго характера и ихъ не могъ вести пустой свѣтскій человѣкъ, какимъ мы видѣли Онѣгина на петербургскихъ балахъ:

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду
Все подвергалось ихъ суду.

Серьезность умственныхъ интересовъ Онѣгина въ деревнѣ, несомнѣнное развитіе его ума заставляютъ насъ предположить, что періодъ занятій Онѣгина чтеніемъ въ Петербургѣ не былъ слишкомъ кратокъ: вѣроятно онъ тянулся гораздо дольше, чѣмъ говоритъ объ этомъ поэтъ въ первой главѣ романа.

Развитіе ума Онѣгина сказалось и во взглядѣ его на увлеченія Ленскаго. Онъ понималъ, что романтическія мечты его молодаго друга, его „юный жаръ“ и „юный бредъ“ свойственны юношескому возрасту и пройдутъ съ годами. Но это пониманіе мечтаній юноши—поэта свидѣтельствуетъ не объ одномъ умѣ Онѣгина, а еще и о другомъ обстоятельствѣ: если Онѣгинъ такъ умѣетъ понимать „юный жаръ“ и „юный бредъ“, значитъ онъ самъ переживалъ ихъ, самъ испыталъ романтическія увлеченія. Здѣсь открывается предъ нами еще одна ошибка первой главы романа: молодой поэтъ, сочиняя ее, пропустилъ цѣлый періодъ изъ жизни своего героя—эпоху романтизма. Что для Онѣгина была такая же пора, какую переживаетъ предъ нами въ романѣ Ленскій, объ этомъ, кромѣ указаннаго, свидѣтельствуютъ многіе факты, и прежде всего дружба Онѣгина съ Ленскимъ. Разсказывая о ней во второй главѣ, Пушкинъ замѣчаетъ, что чаще всего шли у друзей разговоры о страстяхъ, и Онѣ-

гинъ, уже ушедшій „отъ ихъ мятежной власти", говорилъ о нихъ

Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.

Онѣгинъ любилъ выслушивать сердечныя признанія Ленскаго, его мечты и грезы, какъ старый инвалидъ любитъ слушать разсказы молодыхъ воиновъ; тутъ Пушкинъ (какъ мы видимъ) самъ уже положительно свидѣтельствуетъ о романтическомъ прошломъ Онѣгина. О томъ же говорятъ и отношенія Онѣгина къ Татьянѣ; письмо молодой дѣвушки произвело на него сильное впечатлѣніе;

Быть-можетъ чувствій пылъ старинный
Имъ на минуту овладѣлъ,

замѣчаетъ Пушкинъ. При встрѣчѣ съ Татьяной въ саду Онѣгинъ говоритъ ей, что ему мила ея искренность, потому что

Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства...

На эту былую жизнь сердца есть, впрочемъ, намеки и въ первой главѣ романа, напримѣръ, въ разсказѣ поэта о своемъ знакомствѣ съ Онѣгинымъ:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность...
. . . . . .
Страстей игру мы знали оба
. . . . . .
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

Но эти неясные намеки получаютъ значеніе лишь когда мы сопоставимъ ихъ съ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ романа,—и тогда они положительно показываютъ, что была и для Онѣгина пора жизни сердцемъ. А такъ какъ романтическій періодъ обыкновенно предшествуетъ въ жизни человѣка эпохѣ умственнаго развитія, то эта пора должно-быть предшествовала занятіямъ Онѣгина самообразованіемъ, смѣнивъ собою время его пустыхъ увлеченій свѣтскою суетой. Разочаровавшись въ чувствѣ, какъ это часто бываетъ съ романтиками, Онѣгинъ, когда въ немъ „сердца жаръ погасъ", попробовалъ предаться исключительно умственной жизни и окружилъ себя книгами.

Остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ, не разъясненный достаточно въ первой главѣ: почему Онѣгинъ пересталъ читать и бросилъ книги? Конечно, здѣсь играла нѣкоторую роль и его неподготовленность къ серьезному умственному труду; но главная причина другая: исключительно отвлеченная жизнь, жизнь однимъ умомъ тяжела для живой души и утомляетъ человѣка, какъ всякая односторонность. Поэтому за періодомъ увлеченія умственною жизнью наступила пора скептицизма, пора новаго разочарованія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что разочарованіе Онѣгина не такое пустое и поверхностное, какимъ оно могло сначала показаться. Онѣгинъ жилъ духовно, чувствовалъ и мыслилъ, многое испыталъ и во многомъ извѣрился. Но въ душѣ его нѣтъ согласія между умомъ и чувствомъ, нѣтъ гармоніи,—оттого онъ и недоволенъ жизнью и разочарованъ. Онъ похожъ этимъ на героевъ Байрона. Здѣсь сказалось, конечно, и вліяніе на него байронизма, господствовавшаго въ тѣ времена въ Европѣ, увлекавшаго и русское общество. Описывая въ седьмой главѣ романа деревенскую библіотеку Онѣгина, Пушкинъ указываетъ на Байрона, какъ на писателя любимаго его

героемъ и исключеннаго изъ опалы, которой подверглись многія книги.

Онѣгинъ собирался уже разгонять свою хандру путешествіемъ, какъ вдругъ умеръ разорившійся его отецъ, не оставивъ ему ничего, и разочарованный юноша долженъ бы былъ приняться за трудъ. Трудъ быть-можетъ отрезвилъ бы его и избавилъ отъ разочарованія. Но судьба вновь сдѣлала его достаточнымъ человѣкомъ: умеръ дядя и оставилъ ему деревню. Онѣгинъ бросаетъ столицу, и начинается новый, сельскій періодъ его жизни. Новыя впечатлѣнія, близость къ природѣ чуть не оживили Онѣгина; деревня, простой сельскій бытъ ему очень понравились. Онъ принялъ живое участіе въ судьбѣ крестьянъ, задумалъ учредить „новый порядокъ“ и „яремъ“ старинной барщины

Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
И рабъ судьбу благословилъ.

Тутъ сказалась хорошая черта Онѣгина: подъ холоднымъ сплиномъ въ груди его бьется въ сущности доброе сердце. Однако, деревенскія впечатлѣнія скоро ему пріѣлись и онъ заскучалъ попрежнему.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья.
На третій—роща, холмъ и поле
Его не привлекали болѣ...

Такъ говорится въ первой главѣ романа. Впрочемъ, въ главѣ четвертой поэтъ нѣсколько измѣняетъ дѣло: оказывается, что время увлеченія Онѣгина деревней продолжалось значительно долѣе; разсказавъ здѣсь, какъ новый помѣщикъ проводилъ свои дни, Пушкинъ прибавляетъ:

Вотъ жизнь Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,
Забывъ и городъ, и друзей,
И скуку праздничныхъ затѣй.

Предъ нами, значитъ, еще художественная ошибка первой главы произведенія. Кстати будетъ указать и на другаго рода недостатокъ начала романа, на художественно-нравственную, если можно такъ выразиться, ошибку поэта. Отношенія Пушкина къ Онѣгину вообще въ романѣ (какъ увидимъ) объективны и правдивы. Но въ первой главѣ онъ еще не могъ подняться до этого: онъ рисуетъ своего героя субъективно, и не можетъ самъ стать выше его, даже выше его пустыхъ свѣтскихъ привычекъ. Такъ, Пушкинъ почти сочувственно изображаетъ время провожденія Онѣгина за туалетомъ, прибавляя отъ себя:

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ,
И думать о красѣ ногтей,—
Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межь людей.

Сочувственно говоритъ онъ и о балетныхъ увлеченіяхъ Онѣгина:

Мои богини! Что вы? гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ!

обращается поэтъ къ танцовщицамъ. Затѣмъ слѣдуетъ воспѣваніе балерины Истоминой, которая

То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ,—

и строфы о дамскихъ ножкахъ. (Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что эти строфы порой проникнуты неподдѣльнымъ, живымъ лиризмомъ, искреннимъ, увлекательнымъ чувствомъ). Онѣгинъ въ первой главѣ, признавъ себя

разочарованнымъ, сталъ презрительно смотрѣть на людей (безъ достаточнаго, конечно, на то основанія). Пушкинъ и въ этомъ ему готовъ сочувствовать:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей,

говоритъ онъ. Онъ готовъ симпатизировать и презрительному отношенію Онѣгина къ литературѣ, послѣ того какъ не удались занятія чтеніемъ:

Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги,
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.

Таковы отношенія поэта къ своему герою въ началѣ произведенія. Первая глава романа написана на югѣ, когда Пушкинъ находился еще подъ вліяніемъ темной стороны байронизма, когда къ нему вернулись и былыя петербургскія увлеченія пустаго характера; внутренняя жизнь его тогда еще была полна противорѣчій: струи чувственности уживались и перемѣшивались въ немъ съ высокими порывами идеальнаго чувства.

Начиная съ Одессы, Пушкинъ быстрыми шагами пошелъ по пути нравственнаго самоусовершенствованія,— и въ дальнѣйшемъ ходѣ романа его отношенія къ Онѣгину объективны и безпристрастны, и самый тонъ произведенія измѣняется. Начало этого можно, впрочемъ, замѣтить уже и въ первой главѣ: напримѣръ, въ ироническомъ отношеніи поэта къ воспитанію Онѣгина, въ его радостной готовности (въ заключительныхъ строфахъ) указать различіе между Онѣгинымъ и собою.

Въ деревнѣ завязались у Онѣгина отношенія къ двумъ лицамъ—Ленскому и Татьянѣ, имѣвшія рѣшительное вліяніе на его судьбу. Въ поэтическомъ изображеніи

Пушкинымъ этихъ отношеній выразился правдивый и высокій судъ поэта надъ своимъ героемъ.

Онѣгинъ и Ленскій прямо противоположны другъ другу по характерамъ:

Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.

Одинъ — холодный, разочарованный въ жизни скептикъ, смотрящій на все съ сомнѣніемъ; другой—романтикъ, мечтатель, очарованный жизнью, міромъ и людьми, видящій все въ розовомъ цвѣтѣ. Не развращенная свѣтскою суетой, которой не знала, душа Ленскаго вѣритъ во все прекрасное; кровь его волнуютъ

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье.

Онъ вѣрилъ въ родство душъ, въ любовь не умирающую за гробомъ, въ вѣчную самоотверженную дружбу; вѣрилъ въ то, что явятся на землѣ идеальные, «избранные судьбами» люди, которые готовы будутъ пожертвовать собою для міра и дадутъ ему блаженство. Вернувшись изъ «туманной Германіи» поклонникомъ Канта, Шиллера и Гете, онъ восторженно воспѣваетъ въ своихъ стихахъ любовь, природу, печаль,

И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы.

Несмотря на свое знакомство съ нѣмецкою философіей и наукой, Ленскій еще такъ молодъ, что живетъ не столько умственною жизнью, сколько сердцемъ, чувствомъ, оттого онъ мало понимаетъ людей. Въ его глазахъ люди раздѣляются на ангеловъ и демоновъ; середины онъ не знаетъ. Онъ идеализировалъ Ольгу, веселую, простодушную, не лишенную даже поэзіи, но лег-

комысленную, пустую дѣвушку. Вызывая Онѣгина на дуэль, готовый умереть за нее, онъ твердо увѣренъ былъ въ томъ, что она останется вѣчно вѣрна ему.

Мой бѣдный Ленскій! За могилой
Въ предѣлахъ вѣчности глухой
Смутился ли пѣвецъ унылый
Измѣны вѣстью роковой?

горестно восклицаетъ Пушкинъ, разсказавъ о томъ, какъ Ольга скоро забыла жениха и полюбила другаго. Ленскій не понималъ Татьяны; не понялъ онъ и Онѣгина. Сначала онъ идеально смотрѣлъ на своего новаго друга, считая его готовымъ на самопожертвованіе; потомъ, когда Онѣгинъ сталъ шутя ухаживать за Ольгой, Ленскій рѣшилъ, что онъ существо абсолютно-злое, демонъ-соблазнитель. Пушкинъ дѣлаетъ предположеніе о будушей судьбѣ Ленскаго, еслибъ юноша-поэтъ остался живъ. Быть-можетъ онъ былъ рожденъ «для блага міра» и страдальческая тѣнь его унесла съ собой «святую тайну»; а быть-можетъ и то, что его ждалъ самый обыковенный удѣлъ: съ концомъ юности охладѣлъ бы жаръ души и онъ сталъ бы вести пошлую, почти растительную жизнь, какую ведутъ многіе его сосѣди. Пушкинъ, не останавливаясь ни на одномъ изъ этихъ предположеній, считаетъ оба одинаково вѣроятными, потому что характеръ Ленскаго еще не опредѣлился окончательно: мечтательныя увлеченія юноши-романтика должны были въ дальнѣйшемъ ходѣ его развитія, смѣниться разочарованіемъ и скептицизмомъ, а такіе переходы въ нравственномъ бытіи тяжелы для человѣка и сопряжены обыкновенно съ опасностью. Ленскій могъ примирить въ себѣ сердце и умъ, и тогда жить высокою нравственною жизнью; могъ и перейти отъ разочарованія къ нравственному равнодушію и паденію.

Онѣгинъ и Ленскій, несмотря на противоположность характеровъ, подружились. Что же могло ихъ сблизить?

Вопервыхъ, сходство образованія; Ленскій слушалъ лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ, Онѣгинъ поверхностно учился кое-чему; но мы знаемъ, что онъ чтеніемъ поправилъ недостатки своего образованія, и по умственнымъ интересамъ стоялъ безконечно выше тѣхъ сосѣдей своихъ, которые могли говорить только

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ.

Вовторыхъ, ихъ сблизилъ общій ходъ ихъ духовнаго развитія; противоположность между ними происходитъ главнымъ образомъ отъ разницы лѣтъ. Онѣгинъ, какъ мы знаемъ, также переживалъ ту пору романтическихъ увлеченій, въ которой романъ застаетъ и изображаетъ Ленскаго, оттого онъ и понималъ мечты и грезы своего юнаго друга и сочувствовалъ имъ.

Но дружба окончилась разрывомъ, несмотря на искренность привязанности съ обѣихъ сторонъ. Съ перваго взгляда виновникомъ разрыва является Ленскій: онъ неосновательно заподозрилъ Онѣгина въ зломъ умыслѣ соблазнить Ольгу; шутку онъ принялъ за демоническое коварство; идеальный другъ внезапно превратился въ въ его глазахъ въ «презрѣннаго, ядовитаго червя», точащаго стебелекъ «двухъ-утренней» лилеи,—и онъ вызвалъ Онѣгина на поединокъ, мечтая быть спасителемъ Ольги. Но, поэтически анализируя всю эту исторію дуэли, Пушкинъ показываетъ намъ, что истинный виновникъ случившагося—Онѣгинъ; поэтъ открываетъ предъ нами сокровенную глубину совѣсти своего героя и заставляетъ его самого произнести приговоръ надъ собою. Онѣгинъ, не задумываясь, отвѣтилъ согласіемъ на вызовъ, привезенный ему Зарѣцкимъ; но вслѣдъ затѣмъ совѣсть призвала его на «тайный судъ», и онъ обвинилъ себя: вопервыхъ, онъ неправъ былъ, что такъ небрежно подшутилъ надъ робкою и нѣжною любовью; вовторыхъ, онъ

могъ и долженъ былъ понять всю естественность вспышки Ленскаго, все, что перечувствовалъ и передумалъ юноша-романтикъ, и долженъ былъ оказать себя

Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ!

Онѣгинъ понимаетъ, что долженъ былъ смирить свой гнѣвъ и дружески открыть Ленскому истину, «обнаружить» предъ нимъ свои чувства, и тѣмъ обезоружить молодое сердце. Но. . и тутъ поэтъ идетъ далѣе самообвиненій своего героя и показываетъ намъ, какъ Онѣгинъ пытается успокоить ропотъ совѣсти и войти съ нею въ сдѣлку: и время уже упущено, и злой сплетникъ Зарѣцкій вмѣшался въ дѣло; конечно, къ его словамъ должно отнестись съ презрѣніемъ, но «шепотъ, хохотня глупцовъ...»

И вотъ общественное мнѣнье!

съ негодованіемъ восклицаетъ поэтъ отъ себя:

Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

Въ удивительно поэтическомъ, глубокимъ чувствомъ проникнутомъ описаніи дуэли Пушкинъ продолжаетъ свой поэтическій судъ надъ Онѣгинымъ. Онѣгинъ и на мѣстѣ поединка не дѣлаетъ шага къ примиренію:

дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда,

говоритъ поэтъ. Онѣгинъ идетъ и далѣе,—онъ не щадитъ жизни Ленскаго; разочарованный и скучающій, увѣрявшій, что ему жизнь надоѣла, онъ, однако, очень заботливо оберегаетъ свою жизнь: онъ цѣлится во врага и стрѣляетъ первый. Здѣсь поэтъ окончательно развѣнчиваетъ Онѣгина и показываетъ намъ, что разочарованіе

его неискренно и что онъ прежде всего и больше всего эгоистъ. Какъ объективный и безпристрастный художникъ, Пушкинъ вслѣдъ за этимъ показываетъ намъ порывъ чувства и совѣсти Онѣгина: въ сердечной тоскѣ, душевно сраженный бросается убійца къ трупу юноши, глядитъ, зоветъ его;—но все это поздно и напрасно—

Погасъ огонь на алтарѣ.

И точно такимъ же эгоистомъ, какъ въ отношеніяхъ къ Ленскому, оказывается Онѣгинъ и въ отношеніяхъ своихъ къ Татьянѣ. Татьяна съ перваго раза произвела на него сильное впечатлѣніе, и онъ призналъ ее достойною любви поэта. Получивъ письмо ея, онъ былъ «живо тронутъ» и ему вспомнилось все, что было лучшаго въ его жизни:

въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ;

быть-можетъ имъ овладѣлъ (говоритъ Пушкинъ) «чувствій пылъ старинный». Но онъ нашелъ нужнымъ отвѣчать на письмо разсудочнымъ наставленіемъ, такъ какъ считалъ себя человѣкомъ разочарованнымъ. Въ этомъ наставленіи, однако, проглядываетъ, что въ его сердцѣ шевельнулось чувство отвѣтной любви. Онъ сказалъ Татьянѣ, что еслибы могъ еще жить и чувствовать, еслибы считалъ себя способнымъ къ счастью семейной жизни, то ее одну избралъ бы въ подруги своихъ печальныхъ дней, въ ней нашелъ бы свой «прежній идеалъ». Онъ говоритъ даже болѣе:

Я васъ люблю любовью брата
И можетъ быть еще нѣжнѣй.

Это уже почти признаніе въ любви. Но затѣмъ Онѣгинъ прибавляетъ, что онъ человѣкъ отжившій, все имъ извѣдано и все ему надоѣло, онъ «не созданъ для блаженства». Онъ рисуетъ Татьянѣ печальную картину ихъ супружества, еслибъ онъ отвѣтилъ ей любовью на любовь.

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата,
Не обновлю души моей...

Наставленіе оканчивается сердечными и въ то же время высокомѣрными словами утѣшенія: какъ деревцо мѣняетъ весной свои листы, такъ чувство дѣвушки смѣняется другимъ чувствомъ; но

Учитесь властвовать собою:
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ,
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Онѣгинъ, очевидно, не понялъ Татьяны; ни она, ни ея чувство не таковы, какъ онъ думалъ. Это объясненіе въ саду было рѣшительнымъ и послѣднимъ въ ихъ отношеніяхъ въ деревнѣ. Послѣ дуэли Онѣгинъ уѣхалъ странствовать.

Въ седьмой главѣ романа, пропущенной Пушкинымъ и извѣстной намъ теперь лишь въ отрывкахъ, описываются эти странствованія по Россіи. Интересно, что въ черновыхъ рукописяхъ Румянцевскаго Музея есть относящіеся сюда стихи, въ которыхъ говорится объ увлеченіи Онѣгина родиной, объ его охлажденіи къ Европѣ, объ его такъ-сказать славянофильствѣ, — свидѣтельство, что разочарованіе Онѣгина неглубоко и сомнительно. Къ сожалѣнію, стихи эти трудно разобрать, можетъ-быть они и записаны поэтомъ только вчернѣ.

Проснулся разъ онъ патріотомъ
Въ Hôtel de Louvre, что на Морской (!)
. . . . . .
И рѣшено—ужь онъ влюбленъ,
Россіей только бредитъ онъ;
Ужь онъ Европу ненавидитъ
Съ ея развратной суетой.
. . . . онъ увидитъ
Святую Русь, ея поля,
Дубравы, степи и моря...

Вернувшись изъ своихъ долгихъ скитаній въ столицу, Онѣгинъ, къ удивленію своему, встрѣчаетъ здѣсь Татьяну. И вотъ съ нимъ случается нѣчто для него неожиданное. Онъ пораженъ перемѣной, происшедшею въ Татьянѣ и въ ея положеніи; знатная свѣтская дама, она держитъ себя съ нимъ такъ свободно, она такъ не похожа на прежнюю деревенскую барышню. Удивленіе Онѣгина быстро переходитъ въ сильную любовь, и разочарованность его исчезаетъ, оказавшись, такимъ образомъ, если не вполнѣ, такъ на половину, напускною. Чувство Онѣгина искренно и глубоко; неподдѣльною страстью дышетъ его письмо къ Татьянѣ.

Нѣтъ, безпрестанно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть—вотъ блаженство...

Но попытка его объяснить въ этомъ письмѣ противорѣчія въ своемъ поведеніи относительно Татьяны оказывается не только неудачною, но и прямо обличаетъ его эгоизмъ. Онъ понялъ, что объясненіе необходимо, ибо теперешнее его признаніе въ любви совершенно не вяжется съ прежнею «проповѣдью». И вотъ онъ въ письмѣ указываетъ три причины, будто бы разлучившія ихъ въ деревнѣ: вопервыхъ, онъ не посмѣлъ повѣрить ея чувству, а потому сдержалъ свое чувство—«привычкѣ милой не далъ ходу»; вовторыхъ, ему не хотѣлось потерять своей постылой свободы; и, наконецъ, третьею причиной была несчастная смерть Ленскаго. Но изъ этихъ объясненій только одно истинно: Онѣгинъ, дѣйствительно, не хотѣлъ потерять своей свободы; чувству же Татьяны, какъ мы знаемъ, онъ повѣрилъ, и смерть Ленскаго была

не при чемъ,—разрывъ произошелъ раньше дуэли. Что же касается разочарованности, о которой такъ много говорилъ Онѣгинъ прежде, которою онъ такъ рисовался, о ней въ письмѣ нѣтъ и рѣчи, да и странно было бы теперь говорить о ней. Такимъ образомъ, Онѣгинъ запутывается въ противорѣчіяхъ и не можетъ объяснить своего поведенія въ деревнѣ. Но Татьяна прекрасно поняла его, и потому не отвѣчала ни на первое, ни на послѣдующія его письма. Только случай вызвалъ ея отвѣтъ, и тогда она, искренно открывъ ему свою душу, съ необычайною глубиной анализировала его характеръ и произнесла надъ нимъ приговоръ, съ которымъ, очевидно, согласенъ и самъ поэтъ. Она признала его тщеславнымъ эгоистомъ.

Обратимся къ личности Татьяны. Татьяна единственное лицо въ поэзіи Пушкина, къ которому поэтъ относится какъ къ равному себѣ, которое онъ не судитъ; она—любимый образъ его творчества;

я такъ люблю
Татьяну милую мою,

говоритъ онъ, и горячо защищаетъ ее отъ обвиненій, которыя могли взвести на нее за ея письмо. Нѣжною любовью дышатъ слова поэта:

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою,
И начитаться не могу...

Татьяна—лицо не совсѣмъ новое въ поэзіи Пушкина; попытка нарисовать подобный характеръ замѣтна уже въ поэмѣ *Кавказскій Плѣнникъ*: Черкешенка была такъ сказать предчувствіемъ характера Татьяны. Вообще романъ *Евгеній Онѣгинъ* напоминаетъ эту поэму: и тамъ и здѣсь герой говоритъ полюбившей его и довѣрчиво открывшей ему душу дѣвушкѣ, что не можетъ отвѣчать на ея чувство, ибо онъ разочарованъ въ жизни; и тамъ и здѣсь его разочарованіе исчезаетъ съ перемѣной об-

стоятельствъ, оказываясь такимъ образомъ напускнымъ, и замѣняется увлеченіемъ; и тамъ и здѣсь правдивая женская душа отвергаетъ запоздавшее увлеченіе. Въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* уже можно подмѣтить затаенное сочувствіе Пушкина къ Черкешенкѣ, хотя, повидимому, онъ, какъ увлеченный байронизмомъ, симпатизируетъ болѣе плѣннику; въ романѣ все сочувствіе его явно на сторонѣ Татьяны, а не Онѣгина.

Мы знакомимся съ Татьяной (какъ и съ Онѣгинымъ) съ дѣтства и знаемъ всю ея жизнь. Ребенкомъ она была

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива.

Она казалась чужою въ родномъ домѣ; не любила играть съ дѣтьми, не любила женскихъ рукодѣлій, была задумчива и одинока. Но за то сердце ея плѣняли сказки, которыя въ темнотѣ зимнихъ вечеровъ разсказывала ей няня, да сильно полюбила она природу: восходъ лѣтней зари, предразсвѣтный вѣтерокъ, звѣзды на блѣдномъ небосклонѣ. Оригинальность Татьяны-ребенка свидѣтельствуетъ о глубинѣ натуры, о даровитости и сильномъ воображеніи. За дѣтствомъ наступилъ періодъ ранней юности, фантазія уступила первое мѣсто чувству, Татьяна стала жить, какъ Ленскій, жизнью сердца. Въ этомъ періодѣ романтизма застаетъ ее въ деревнѣ Онѣгинъ. Увлеченіе сказками смѣнилось увлеченіемъ другаго рода: Татьяна пристрастилась къ романамъ; читала она, что̀ попадется, но ей попадались и хорошія книги; это была пора возрожденія романтизма въ Европѣ, перешедшаго и къ намъ вмѣстѣ съ многими выдающимися поэтическими произведеніями этого направленія. Татьяна прочла сентиментальные романы Ричардсона, *Элоизу* Руссо, романтическаго *Вертера* Гете, поэмы Байрона. Понятно, какъ все это должно было дѣйствовать на ея впечатлительную душу. Всѣми силами своего «пламеннаго и нѣж-

наго» сердца отдается она мечтательности и, бродя съ любимою книгой въ тишинѣ полей и лѣсовъ, воображаетъ себя героиней своихъ возлюбленныхъ поэтовъ и отдается грезамъ объ ожидающей ее «родной душѣ». И вотъ является Онѣгинъ; о немъ идутъ различные толки: восторженно отзывается о немъ другъ ея дѣтства Ленскій, романтикъ, какъ и она; его бранятъ сосѣди, Пустяковы, Скотинины и другіе, которыхъ Татьяна не уважаетъ; онъ, по слухамъ, разочарованъ, подобно героямъ Байрона, знакомымъ ей по книгамъ; и Татьяна начинаетъ подозрѣвать—не онъ ли ея родная душа, не онъ ли ей «посланъ Богомъ»? Онъ, наконецъ, пріѣзжаетъ къ нимъ въ домъ и своимъ видомъ, своими разочарованными рѣчами, конечно, подтверждаетъ составленное заранѣе понятіе; сердце, давно восторженно бившееся въ груди Татьяны и ждавшее героя, котораго можно бы полюбить, подсказываетъ ей: «это онъ!» И все во внутренней жизни дѣвушки становится полно имъ и мечтами о немъ. Простая и довѣрчивая, не «вѣдающая обмана», послушная своему чувству и «мятежному воображенію», Татьяна рѣшается открыть Онѣгину свое сердце и пишетъ ему, неосторожное, конечно, но чистое и искреннее письмо. Чувство, проникающее это письмо,—романтическое чувство. Сдѣлавъ въ началѣ предположеніе, что безъ встрѣчи съ нимъ она, можетъ быть, прожила-бы счастливо, смиривъ волненіе неопытной души и поведя жизнь, какъ всѣ ведутъ, она сейчасъ же восторженно отвергаетъ подобную мысль:

Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ,
То воля неба—я твоя!
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю—ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...

По ея словамъ, онъ былъ милъ ей еще «незримый», онъ являлся ей во снѣ, голосъ его раздавался въ ея душѣ уже давно... Оттого она и узнала его, какъ только увидѣла. И въ эту минуту, когда она пишетъ ему, ей кажется, что милый образъ

Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью...

Но не однѣ романтическія мечты и чувства выражаетъ письмо Татьяны; въ немъ есть и нѣчто другое. Татьяна жалуется на то, что она одинока, что ее «никто не понимаетъ»,

Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.

Эти слова показываютъ намъ, что въ душѣ дѣвушки уже начинаютъ возникать умственные вопросы; она хочетъ думать, и нѣтъ людей, кто бы могъ помочь ей въ ея сомнѣніяхъ. Для Татьяны начинается новый періодъ жизни, время умственнаго развитія и скептицизма. Въ Онѣгинѣ мечтаетъ она найти человѣка, съ которымъ будетъ жить и этою новою жизнью. Далѣе въ письмѣ она вноситъ скептицизмъ и въ самое свое чувство, въ свои взгляды на Онѣгина:

Кто ты? мой ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.

Ей начинаетъ казаться, что быть-можетъ и ея мечты о любви—

пустое,
Обманъ неопытной души.

Татьяна то вѣритъ, то не вѣритъ счастью, сомнѣвается въ немъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одну черту въ письмѣ, — на возвышенное пониманіе

Татьяной любви; она смотритъ на нее не какъ на эгоистическое чувство, дающее человѣку только личное счастье (такъ смотрѣли герои Байрона), а какъ на нѣчто высшее: она хочетъ съ будущимъ спутникомъ своимъ жить жизнью общею—вмѣстѣ думать, трудиться, молиться.

Неправда-ль? я тебя слыхала,

(пишетъ она),

Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души.

Въ романтическія грезы о любви Татьяна вноситъ нѣчто иное. Всею душой переживая западно-европейскій романтизмъ, Татьяна остается русскою дѣвушкой, съ возможностью трезваго отношенія къ жизни и ея нравственнымъ и общественнымъ требованіямъ; она инстинктивно понимаетъ, что нельзя наполнить жизнь однимъ личнымъ счастьемъ взаимной привязанности. Татьяна — «русская душою», говоритъ Пушкинъ, и это совершенно справедливо. Татьяна сдѣлалась «русская душою» потому, что выросла въ деревнѣ, воспитана была старушкой няней, подобною нянѣ Пушкина Аринѣ Родіоновнѣ, окружена была съ дѣтства русскою народною жизнью, русскою природой. Она любила родную природу всѣмъ сердцемъ, любила ея поля и лѣса, холодную красу ея зимы; любила она и народный бытъ, превосходно зная всѣ его вѣрованія и повѣрья, игры, обычаи, примѣты и гаданья:

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины...

Впечатлительная и чуткая душа ея слилась (можно сказать) съ народною душой до наивной непосредствен-

ности народнаго взгляда на природу и жизнь. Это напоминаетъ намъ самого Пушкина, который во время пребыванія въ селѣ Михайловскомъ до того сблизился духомъ съ народомъ, что самъ сталъ вѣрить народнымъ предразсудкамъ и примѣтамъ.

Послѣ отъѣзда Онѣгина изъ деревни для тоскующей Татьяны начался новый періодъ жизни, тотъ періодъ умственныхъ интересовъ, сомнѣній и скептицизма, зародышъ котораго мы уже подмѣтили въ ея письмѣ. Выступленію ума на первый планъ въ духовной жизни дѣвушки способствовали ея занятія въ библіотекѣ Онѣгина, когда она стала посѣщать его опустѣлый домъ:

Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ съ точностью, какія книги читала здѣсь Татьяна: Пушкинъ назвалъ только Байрона, да намекнулъ на романы, въ которыхъ вѣрно изображенъ современный человѣкъ

Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой

Но по всей вѣроятности (судя по позднѣйшимъ петербургскимъ чтеніямъ Онѣгина) въ библіотекѣ его, кромѣ поэтическихъ сочиненій, были и книги философскія и научныя; да иначе Пушкинъ и не могъ бы сказать: «ей открылся міръ иной», потому что Байрона и романы она читала и раньше, и это не было для нея новостью. Въ черновыхъ рукописяхъ *Евгенія Онѣгина* (въ бумагахъ поэта, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ) есть стихи, подтверждающіе эти соображенія; Пушкинъ называетъ здѣсь слѣдующихъ авторовъ, исключенныхъ его героемъ «изъ опалы»:

Юмъ, Робертонъ, Руссо, Мабли,
Баронъ д'Ольбахъ, Вольтеръ, Гельвецій,
Локкъ, Фонтенель, Дидротъ, Парни,
Горацій, Цицеронъ, Лукрецій.

Кромѣ содержанія книгъ, еще одно обстоятельство способствовало умственному развитію и самосознанію Татьяны. Оказалось, что Онѣгинъ, относившійся къ чтенію серьезно и съ живымъ интересомъ, постоянно дѣлалъ на поляхъ книгъ отмѣтки. Съ сердечнымъ трепетомъ Татьяна изучаетъ эти отмѣтки, подмѣчаетъ выраженія души Онѣгина, подмѣчаетъ—какими мыслями былъ онъ пораженъ, съ чѣмъ онъ соглашался, съ чѣмъ нѣтъ.—И вотъ, не только новый міръ знанія открывается ей въ библіотекѣ Онѣгина, ея живому и сильному отъ природы уму открывается и душа любимаго человѣка. Татьяна разрѣшаетъ загадку—кто такое Онѣгинъ? Она поняла и чѣмъ онъ могъ быть по задаткамъ своей натуры, и чѣмъ онъ дѣйствительно сталъ въ жизни. Она поняла, что угадала въ немъ своимъ правдивымъ инстинктомъ родственную душу, съ которою могла быть счастлива, и въ то же время поняла, что это счастье невозможно, потому что стѣной всталъ между ними эгоизмъ Онѣгина, безповоротно завладѣли его душой тщеславіе и рисовка своимъ разочарованіемъ. Разлетѣлись прахомъ мечты дѣвушки о счастьѣ и кончились иллюзіи,—всѣ жребіи стали равны для бѣдной Тани; другаго она уже не полюбитъ, ибо не можетъ быть для нея другой родственной души.—Этимъ горькимъ сознаніемъ жизненной правды и закончилось развитіе Татьяны.

На этомъ мы разстаемся съ нею въ деревнѣ; на минуту потомъ встрѣчаемъ ее еще дѣвушкой въ Москвѣ на балу, гдѣ на нее засмотрѣлся генералъ, ея будущій мужъ,—и затѣмъ уже виднмъ Татьяну—свѣтскую знатную даму, видимъ ее иною, чѣмъ какой знали прежде. Нѣкоторымъ современникамъ Пушкина такая перемѣна

показалась странною, и они готовы были винить поэта въ невыдержанности характера героини романа. Поэтъ отвѣчалъ на упреки, что неясность произошла отъ пропуска одной главы. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Татьяна знатная дама, дѣйствительно, какъ-будто мало похожа на деревенскую Таню, мечтательную, простодушную и искреннюю дѣвушку. Она теперь спокойна, холодна и прекрасно владѣетъ собою.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!

восклицаетъ поэтъ.

Ктобъ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?

Но все это не должно возбуждать недоумѣнія. Въ деревнѣ Татьяна была еще не окончательно опредѣлившійся человѣкъ, характеръ ея только формировался, она еще не знала дѣйствительности и жила субъективною жизнью. Мы видѣли какъ послѣдовательно развивались одна за другою ея душевныя способности. Въ Москвѣ предъ нами уже окончательно развившійся человѣкъ, приведшій къ единству свои духовныя силы, и потому владѣющій главнымъ свойствомъ человѣка—самообладаніемъ. Здѣсь огромная разница между Онѣгинымъ и Татьяной; умъ и сердце остались въ Онѣгинѣ разъединенными, между ними вѣчный разладъ, и потому Онѣгину никогда не придти къ спокойному владѣнію собою и къ полному самосознанію, онъ вѣчная игрушка увлеченій. Въ душѣ Татьяны, напротивъ,—гармонія, и поэтому полное пониманіе и себя, и людей, и жизни.—Что же касается равнодушія, небрежности, холодности, то они—лишь маска, которую она носитъ въ ненавидимомъ ею свѣтѣ, подъ которою скрываетъ отъ этого свѣта

свою живую душу.—Въ сущности она осталась прежнею душевною и искреннею женщиной, только не всегда и не со всѣми будетъ она довѣрчива,—горькій опытъ жизни заставилъ ее уйти въ себя. Когда Онѣгинъ случайно засталъ ее одну за чтеніемъ его письма, онъ былъ пораженъ:

О, кто-бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ?
Кто прежней Тани, бѣдной Тани,
Теперь въ княгинѣ-бъ не узналъ?

Онѣгинъ видитъ въ ней когда-то любившую его дѣвушку, «съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней», и въ умиленномъ воспоминаніи падаетъ къ ея ногамъ. Татьяна смотритъ на него безъ гнѣва, искренно и просто; ей жаль его; жаль ей и своей погибшей любви:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко...

И она довѣрчиво открываетъ Онѣгину свою душу. Но въ то же время она объясняетъ ему его самого, его сокровенные помыслы и побужденія, тайныя пружины его дѣйствій; неумолимымъ анализомъ она освѣщаетъ такія глубины его души, которыя оставались неизвѣстными ему самому, и произноситъ надъ нимъ судъ кроткій и справедливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпощадный.

А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта—
Постылой жизни мишура,

говоритъ она про свѣтскую жизнь, въ которой теперь вращается. Она рада была бы отдать «блескъ и шумъ, и чадъ», окружающіе ее, за прежнее бѣдное деревенское жилище съ дикимъ садомъ и полкою книгъ, за «смиренное кладбище«, гдѣ теперь вѣтви деревъ осѣняютъ крестъ надъ могилой няни.

Я васъ люблю, къ чему лукавить! правдиво говоритъ Татьяна. Она вѣритъ и искренности любви къ ней Онѣгина; она признаетъ въ немъ горячее чувство и сильный умъ. Она признаетъ даже, что онъ поступилъ съ нею въ деревнѣ благородно: онъ жалѣлъ ее, онъ имѣлъ «уваженіе къ лѣтамъ»,—

Въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой.

Но въ то же время она совершенно ясно понимаетъ, что главная сила, движущая душой Онѣгина,—эгоизмъ. Эгоизмъ побудилъ его въ деревнѣ заглушить зарождавшееся въ сердцѣ чувство любви; эгоизмъ побуждаетъ его теперь, въ столицѣ, дать этому чувству развиться въ цѣлое пламя. Татьяна какъ-будто не нравилась ему «въ пустынѣ, вдали отъ суетной молвы», ему

была не новость
Смиренной дѣвочки любовь;

любовь эта не льстила его тщеславію. Теперь то же тщеславіе, то же «мелкое чувство» приводитъ его къ ногамъ Татьяны. Любовь Онѣгина соединяется неразрывно въ его душѣ съ (безсознательною, можетъ-быть, для него самого) мыслью, что побѣда могла бы принести ему «соблазнительную честь» въ свѣтскомъ обществѣ. Не потому ли вы преслѣдуете меня любовью, говоритъ Татьяна, что

мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ?

Чувство Онѣгина считаетъ она для себя оскорбительнымъ, и потому, обращаясь къ его гордости и чести, проситъ его оставить ее.—Для Татьяны нѣтъ даже нужды

поднимать вопросъ, что было бы, еслибъ она теперъ пошла за Онѣгинымъ? сохранилось бы на вѣки его чувство, или бы оно остыло съ достиженіемъ побѣды? слетѣло ли совсѣмъ съ его души разочарованіе, или оно вернется опять? Для нея нѣтъ этихъ вопросовъ: самое чувство его есть оскорбленіе; а на нечистомъ чувствѣ нельзя строить никакой будущности. Въ деревнѣ Онѣгинъ прочелъ дѣвочкѣ-мечтательницѣ холодное наставленіе, отъ одного воспоминанія о которомъ у Татьяны «стынетъ кровь»; но онъ благородно пожалѣлъ «младенческія мечты» этой дѣвочки; — теперь онъ оскорбилъ Татьяну своею любовью.

Есть еще одна черта въ «проповѣди» Татьяны, еще объясненіе ея, почему она не отвѣчаетъ на чувство Онѣгина:

я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Татьяна добровольно вышла замужъ, когда убѣдилась, что счастье съ Онѣгинымъ невозможно, и останется вѣрной мужу, повѣрившему ея слову. Татьяна ненарушимо сохранитъ уваженіе къ браку и данному обѣщанію. Тутъ опять сказалась въ ней русская женщина.

Но другой вопросъ почему, зачѣмъ она вышла замужъ? Этотъ вопросъ поэтъ оставилъ неразъясненнымъ въ романѣ; неразъясняетъ его и Татьяна:

неосторожно,
Быть-можетъ, поступила я.
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать... Для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...

Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи о Пушкинѣ пытается освѣтить дѣло такъ, что Татьяна, быть-можетъ,

мечтала, отчаявшись въ своей жизни, самоотверженно дать счастье человѣку, полюбившему ее и уважающему ее. На это, по крайней мѣрѣ, намекаютъ его слова: «Да, вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, ее любящему, ее уважающему и гордящемуся ею.... Пусть она вышла за него съ отчаянія, но теперь онъ ея мужъ и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ и убьетъ его». — Подобное объясненіе было бы вѣрно, еслибы мужъ Татьяны былъ, дѣйствительно, таковъ, какъ говоритъ Достоевскій; но на самомъ дѣлѣ это не такъ: изъ романа мы знаемъ о генералѣ, за котораго Татьяна вышла замужъ, только то, что поэтъ говоритъ о его появленіи на балу:

всѣхъ выше
И носъ, и плечи поднималъ
Вошедшій съ нею генералъ.

Такимъ образомъ остается загадкой замужество Татьяны. Татьяна вышла замужъ какъ Черкешенка *Кавказскаго Плѣнника* утопилась,—но нельзя не замѣтить, что эти двѣ развязки неудавшихся жизней—явленія несоизмѣримыя, и сравнивать ихъ нельзя. Пушкинъ, однако, не погрѣшилъ противъ дѣйствительности, давъ такой конецъ судьбѣ своей героини. Какъ его Татьяна не исключительная, небывалая личность, а типъ русской женщины съ высокими душевными задатками и стремленіями; такъ не исключительное явленіе и ея замужество,—поэтъ не выдумалъ его, а тоже взялъ изъ дѣйствительности. Но какъ въ дѣйствительности оно остается загадкой для самихъ Татьянъ, такъ оставилъ его непонятнымъ и величайшій русскій поэтъ...

Образъ Татьяны по красотѣ и простотѣ рисунка, по удивительной глубинѣ психологическаго анализа, по нѣжности и гуманности проникающаго его чувства есть высочайшее созданіе Пушкина. На равной высотѣ съ нимъ

можетъ быть поставленъ развѣ только образъ Лизы Тургенева. Особенною поэтическою глубиной и прелестью отличается послѣдній разговоръ Татьяны съ Онѣгинымъ; по теплотѣ и нѣжности чувства, по изяществу его выраженія съ нимъ могутъ сравниться только двѣ элегіи, написанныя Пушкинымъ въ томъ же 1830 году,—«*Въ послѣдній разъ твой образъ милый...*» и

Для береговъ чужбины дальной
Ты покидала край родной...

Можно догадываться, что обѣ эти элегіи посвящены той чистой любви поэта, которая проходитъ черезъ цѣлый рядъ его произведеній, которая, начиная со времени пребыванія въ Крыму, вдохновляла его на творчество.— Пушкину угодно было скрыть отъ насъ, кто была такъ благоговѣйно, такъ свято имъ любимая женщина; но должно-быть ея образъ былъ тѣсно связанъ въ его душѣ съ образомъ любимой героини его поэзіи:

А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеалъ,—
О, много, много рокъ отъялъ!

восклицаетъ поэтъ въ концѣ романа.

Характеръ Татьяны сложился, какъ мы знаемъ, подъ чрезвычайно разнообразными вліяніями. Татьяна выросла среди русской жизни и была простою, искреннею, доброю русскою женщиной съ трезвымъ, здравымъ взглядомъ на вещи. Но душа ея развивалась также и подъ дѣйствіемъ впечатлѣній западно-европейской культуры: романтизмъ и критическая мысль Запада глубоко проникли въ ея сердце и умъ. Всѣ эти разнообразныя вліянія перебродили въ ея живой душѣ и пришли къ гармоническому согласію. Въ ея свѣтломъ нравственномъ образѣ примирились и слились въ единствѣ народныя русскія стихіи съ началами западно-европейскими. Татьяна—яркая

представительница той новой русской жизни, которая началась съ реформы Петра Великаго и въ которой, по мысли Преобразователя, должны были слиться два духовныя просвѣщенія—наслѣдованное нами отъ предковъ и заимствованное отъ западныхъ сосѣдей.

Потому Татьяна—главное лицо въ романѣ. Онѣгинъ занимаетъ въ немъ мѣсто второстепенное. Онъ тоже русскій человѣкъ, подвергшійся западно-европейскому вліянію. Но въ немъ это послѣднее одержало верхъ надъ началами родной народности. Онъ, по справедливому замѣчанію Аполлона Григорьева, добрѣе и проще своихъ оригиналовъ — героевъ Байрона; но все-таки его личность—байроническая: онъ русскій западникъ въ широкомъ значеніи этого слова, русскій «скиталецъ», по выраженію Достоевскаго.

Не зная хорошо родной земли, чувствуя въ душѣ разладъ и разочарованіе, къ тому же обезпеченный и нѣсколько лѣнивый, онъ не нашелъ себѣ дѣла, и безъ труда и безъ цѣли скитается и духовно и физически.

Противоположными ему лицами въ романѣ, представителями исключительной, или непосредственной народности, являются няня Татьяны и старики Ларины. Няню поэтъ списалъ, по его собственнымъ словамъ, со своей Арины Родіоновны и относится къ ней съ глубокимъ сочувствіемъ; но образъ ея нѣсколько блѣденъ. Гораздо ярче изображены Ларины, отецъ и мать Татьяны, хотя отношенія къ нимъ поэта въ романѣ еще какъ-то неопредѣленны: Пушкинъ смотритъ на нихъ какъ будто нѣсколько свысока. Когда онъ началъ изображать ихъ (во 2-й главѣ), онъ не дошелъ еще въ своемъ сознаніи до сочувственнаго отношенія къ простымъ русскимъ людямъ, до полнаго пониманія своеобразной красоты ихъ характеровъ. Въ эту эпоху ему, по его собственнымъ словамъ, еще

Казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безымянныя страданья.

Онъ еще не полюбилъ, или, лучше сказать, не сознаЛъ, что въ глубинѣ души любитъ также и простую, обыденную русскую дѣйствительность, любить

песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи...

онъ еще не сознавалъ, что кромѣ гордыхъ идеаловъ, ему нужна и русская семейная жизнь,—«покой, да щей горшокъ, да самъ большой». Тѣмъ не менѣе, однако, затаенное сочувствіе къ Ларинымъ и ихъ деревенской жизни, то сочувствіе къ родной старинѣ, которое въ послѣдствіи такъ ярко проявится въ *Капитанской дочкѣ*, уже можетъ быть подмѣчено въ романѣ. Иронически начинаетъ поэтъ описывать своихъ простодушныхъ героевъ; подсмѣивается надъ тѣмъ, какъ Ларина въ дѣвушкахъ увлекалась сентиментальными романами и мечтала о «славномъ франтѣ», похожемъ на Грандисона; подсмѣивается надъ тѣмъ, какъ въ деревнѣ мужа она забыла тетрадь чувствительныхъ стиховъ,

стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила, наконецъ,
На ватѣ шлафрокъ и ченецъ...

подсмѣивается надъ тѣмъ, какъ Ларинъ «въ халатѣ ѣлъ и пилъ», и какъ

за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

Но въ то же время съ явною симпатіей повѣствуетъ онъ объ ихъ взаимной любви, о покойномъ теченіи ихъ жизни, объ ихъ народныхъ обычаяхъ.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки мирной старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились русскіе блины;
Два раза въ годъ они говѣли;
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ...

Заявивъ почти иронически о смерти Ларина—«въ часъ передъ обѣдомъ», поэтъ однако тутъ же прибавляетъ, что старикъ умеръ—

Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
«Смиренный грѣшникъ Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ».

Сочувствіе Пушкина къ Ларинымъ и ихъ жизни станетъ особенно яснымъ, если мы сравнимъ свѣтлымъ тономъ проникнутыя строфы, посвященныя имъ, съ тѣми мрачными, холодомъ вѣющими строфами романа, гдѣ съ негодующимъ чувствомъ изображаетъ поэтъ свѣтское городское общество.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ,
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ;
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей

Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки,
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

И такихъ стиховъ въ романѣ не мало. Они свидѣтельствуютъ, что и въ отношеніяхъ своихъ къ свѣту Пушкинъ былъ совершенно согласенъ, какъ и во всемъ остальномъ, со своею Татьяной.

Подробное разсмотрѣніе характеровъ романа показываетъ намъ какъ широко захватилъ Пушкинъ русскую жизнь въ своемъ произведеніи. *Евгеній Онѣгинъ* есть романъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: онъ изображаетъ все, что было существеннаго въ нашей дѣйствительности Пушкинскихъ временъ. Если же поэтъ не коснулся міра служебнаго, бюрократическаго, то это, конечно, потому, что, вопервыхъ, не считалъ его важнымъ; вовторыхъ, относился къ нему отрицательно, не видѣлъ въ немъ красоты. А все то, въ чемъ нѣтъ красоты, было внѣ сферы Пушкинскаго творчества. Онъ былъ поэтъ положительныхъ явленій жизни, а не отрицательныхъ ея сторонъ. Для изображенія послѣднихъ нуженъ былъ новый геній, который и явился въ лицѣ Гоголя. Пушкинъ первый и можетъ-быть лучше всѣхъ оцѣнилъ своего литературнаго сподвижника. Но самъ онъ изображать то, что изображалъ Гоголь, не могъ, не былъ къ этому призванъ. Онъ хотѣлъ было нарисовать міръ чиновничества въ особомъ романѣ *Русскій Пелямъ*, программы котораго дошли до насъ; но намѣреніе такъ и осталось не исполненнымъ.

Къ числу лирическихъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ 1830 году въ Болдинѣ, относится проникнутое грустнымъ чувствомъ, очевидно субъективнаго характера, произведеніе—*Трудъ*.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жь непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

Должно-быть подъ оконченнымъ дорогимъ трудомъ многихъ лѣтъ Пушкинъ разумѣлъ свой романъ. И онъ, дѣйствительно, имѣлъ полное основаніе скорбѣть объ окончаніи его. Въ *Евгеніи Онѣгинѣ* поэзія Пушкина достигла своего апогея. Талантъ великаго художника не ослабѣвалъ и потомъ, оставался такимъ же могучимъ и свѣжимъ до самой смерти поэта; художественность творчества Пушкина даже усилилась, и изъ-подъ пера его вышли въ послѣдніе годы созданія болѣе выдержанныя и строгія въ художественномъ смыслѣ. Но такихъ задушевныхъ произведеній, какъ *Евгеній Онѣгинъ*, такихъ всю душу читателя захватывающихъ и просвѣтляющихъ созданій уже не появлялось, какъ не могло появиться образа равнаго Татьянѣ по поэтической и нравственной красотѣ. Великій романъ навсегда останется величайшимъ произведеніемъ Пушкина, главнымъ правомъ великаго поэта на безсмертіе, главною заслугой его предъ русскимъ обществомъ.

Новые отрывки и варіанты сочиненій Пушкина.

(Изъ рукописей Румянцевскаго музея *).

Московскій Публичный и Румянцевскій музеи обладаютъ, какъ извѣстно, великимъ литературнымъ сокровищемъ—рукописями Пушкина: это тѣ рукописи, которыя были найдены въ кабинетѣ поэта послѣ его смерти. Ихъ всего—32 № или 32 папки, изъ которыхъ иныя заключаютъ въ себѣ по нѣскольку тетрадей; здѣсь есть и черновыя многихъ произведеній, и приготовленныя къ печати начисто переписанныя сочиненія великаго поэта, и различныя его замѣтки и письма. Въ нашей литературѣ существуетъ превосходное описаніе этихъ рукописей, сдѣланное г. Якушкинымъ (оно напечатано въ «Русской Старинѣ» 1884 года). Не ограничиваясь спеціальной задачей описанія, г. Якушкинъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ немало и неизвѣстныхъ еще дотолѣ отрывковъ и варіантовъ сочиненій Пушкина и дополненій къ уже напетаннымъ произведеніямъ. Г. Якушкинъ читалъ и разбиралъ, иногда весьма неразборчивыя, черновыя рукописи съ величайшей внимательностью и тщательностью, и на его чтенія почти всегда можно положиться съ полной увѣренностью. — Еще раньше г. Якушкина этими рукописями, когда онѣ только-что были пожертвованы въ музеи сыномъ поэта, занимался г. Бартеневъ. Кое-

*) Было напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1889 г. № 3.

что извлеченное изъ нихъ, по большей части случайно, г. Бартеневъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ», а затѣмъ выпустилъ въ свѣтъ, съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ источниковъ, въ двухъ книгахъ (въ 1881 и въ 1885 гг.), озаглавленныхъ «А. С. Пушкинъ, новонайденныя его сочиненія...» Здѣсь есть немало важнаго (какъ напримѣръ новая глава «Капитанской дочки»); между прочимъ помѣщены и письма къ Пушкину разныхъ лицъ, извлеченныя изъ добавочной, 33-й папки рукописей поэта.

Рукописи Румянцевскаго музея представляютъ чрезвычайно важный и необходимый источникъ, какъ для издателя произведеній Пушкина, такъ и для критика ихъ или біографа великаго поэта.

Автору настоящихъ строкъ посчастливилось найти въ рукописяхъ нѣсколько новыхъ, еще неизвѣстныхъ въ печати отрывковъ и варіантовъ. Исходя изъ той мысли, что каждая строка, каждое слово великаго писателя есть драгоцѣнность, если не сами по себѣ, то хотя бы какъ матеріалъ для біографіи, предлагаемъ здѣсь вниманію читающаго общества эти отрывки и варіанты. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, какъ читатель увидитъ, имѣютъ значеніе и достоинство не только относительное, но и безусловное.

Въ 1815 году Пушкинъ, еще 16-ти-лѣтній юноша, началъ писать сказку «*Бова*»; онъ ее не кончилъ, и она печатается въ собраніяхъ его сочиненій въ видѣ отрывка. Въ началѣ произведенія поэтъ говоритъ, что не хотѣлъ и не рѣшался, приступая къ сочиненію своему, слѣдовать «несравненному Виргилію», «премудрому», хотя для него непонятному, Клопштоку, Мильтону и Камоэнсу; но, роясь въ архивахъ, удалось ему найти «книжку славную»; онъ прочиталъ ее — и теперь поетъ

въ восхищеніи про Бову.—Что это за книжка, которой Пушкинъ рѣшился подражать,—оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Но въ рукописяхъ поэта, въ тетради подъ № 2395, разсказанное нами начало сказки «Бова» помѣщено съ дополнительными 16-ю стихами, совершенно разъясняющими дѣло. Оказывается, что «книжка славная» есть поэма Вольтера «Орлеанская дѣвственница». Помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ начала сказки со включеніемъ въ него вновь найденныхъ стиховъ, отмѣчая эти послѣдніе курсивомъ:

«За Мильтономъ и Камоэнсомъ
«Опасался я безъ крилъ парить,
«*Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ*
«Въ серафимовъ жарить пушками,
«Съ сатаною обитать въ раю.
«*Иль Святую Богородицу*
«*Вмѣстѣ славить съ Афродитою,*
«*Не бывалъ я грѣховодникомъ.*
«Но вчера въ архивахъ роясь,
«Отыскалъ я книжку славную,
«Золотую, незабвенную,
«*Катехизисъ остроумія,*
«*Словомъ—Жанну Орлеанскую* *),
«Прочиталъ—и въ восхищеніи
«Про Бову пою царевича.
«*О Вольтеръ, о мужъ единственный,*
«*Ты, котораго во Франціи*
«*Почитали богомъ нѣкіимъ,*
«*Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ,*
«*Обезьяною въ Саксоніи.*
«*Ты, который на Радищева*
«*Кинулъ-было взоръ съ улыбкою,*
«*Будь теперь моею музою,*
«*Пѣть я тоже вознамѣрился;*
«*Но сравняюсь ли съ Радищевымъ?*»

---

*) Въ рукописи переписчикъ сдѣлалъ ошибку; «Оргоганскую».

Новые стихи эти—драгоцѣнны для біографа Пушкина, какъ новое свидѣтельство объ увлеченіи нашего великаго поэта въ ранней юности беллетристическими произведеніями Вольтера; они свидѣтельствуютъ, кромѣ того, и о тогдашнемъ взглядѣ Пушкина на Радищева, какъ на автора сказки «Бова», сказки цинической, въ которой Радищевъ, по его собственному указанію въ началѣ произведенія, подражалъ Вольтеру. Въ ранней юности Пушкину приходилось попадать въ очень мутныя теченія нравственной жизни, «чуждыя краски» темнымъ слоемъ ложились на его геніальную душу, и много благородныхъ усилій долженъ былъ употреблять потомъ поэтъ, чтобы эти краски спадали «ветхой чешуей».

Въ болѣе позднюю эпоху, уже въ концѣ жизни, Пушкинъ опять заинтересовался Радищевымъ. Но писатель этотъ занималъ теперь великаго поэта не какъ авторъ сказки «Бова» и послѣдователь Вольтера, а какъ сочинитель опальнаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», книги, въ которой благородныя мысли объ освобожденіи крестьянъ перемѣшивались съ странными выходками сумасшедшаго (какъ думалъ Пушкинъ) человѣка противъ верховной власти. Пушкинъ написалъ два сочиненія о Радищевѣ, въ которыхъ онъ пытался объяснить и загадочный характеръ автора «Путешествія», и самое это «Путешествіе».—Одна статья великаго поэта носитъ названіе «Александръ Радищевъ»; другая—«Мысли на дорогѣ».—Въ послѣдней (относящейся къ 1834 г.) Пушкинъ не ограничивается анализомъ книги сосланнаго писателя Екатерининскихъ временъ, но высказываетъ и различныя свои собственныя мысли объ общественныхъ и литературныхъ вопросахъ. Это публицистическое сочиненіе Пушкина распадается на главы, носящія тѣ самыя названія, которыя далъ главамъ своей книги Радищевъ.—

Глава X, «Торжокъ», заключаетъ въ себѣ мысли о свободѣ книгопечатанія и цензурѣ. Глава эта въ рукописи Румянцевскаго музея подъ № 2384 находится въ гораздо болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ печатномъ изданіи сочиненій Пушкина, и расположеніе частей ея нѣсколько иное; оказывается, что напечатаны только мысли поэта о свободѣ книгопечатанія, а вторая часть главы, идеи о цензурѣ собственно, остается до сихъ поръ неизвѣстной. Въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Литературнымъ фондомъ, въ примѣчаніи на стр. 237 тома 5-го перепечатана изъ описанія г. Якушкина программа этой неизвѣстной части главы «Торжокъ» *).—Для удобства чтенія (а также и въ виду иного расположенія матеріала) мы помѣщаемъ здѣсь не только вновь найденныя дополненія, но и то, что уже было издано; новое набрано курсивомъ.

X. ТОРЖОКЪ.

«Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ Пожарскаго, я прочелъ статью подъ заглавіемъ: «Торжокъ». Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человѣка, вполнѣ разрѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

«*Приступая къ разсмотрѣнію сей статьи, долгомъ почитаю сказать, что я убѣжденъ въ необходимости цензуры въ образованномъ, нравственномъ христіанскомъ обществѣ, подъ какими бы законами и правленіемъ оно бы ни находилось.*

«Мысль—великое слово! Что жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она сво-

*) Она найдена г. Якушкинымъ въ рукописяхъ Румянцевскаго музея, но въ другой тетради.

бодна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

«Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, въ числѣ 3000 экземпляровъ, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу.

«Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежитъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

«Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

«Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать *незаконность* и безразсудность цензуры. «Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бъ установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобы поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то дозволеніе».

«Конечно, если бы слово не было общею принадлежностію всего человѣческаго рода, а только милліон-

ной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всѣ равно обладаютъ возможностію и самою способностію писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изо всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также чего-нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ etc.). *Противники всякой аристократи, развѣ не видите вы*, что аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно *).

«*Взгляните на нынѣшнюю Францію... Л. Ф. (Людовикъ Филиппъ), царствующій (?) милостію свободнаго книгопечатанія, принужденъ уже обуздывать сію свободу, не смотря на отчаянные крики оппозиціи.*

«... *сказалъ откровенно и по чистой совѣсти мнѣніе мое о св(ободѣ) книг(опечатанія), столь же откровенно буду говорить и о ценс(урѣ).*

«*Высшій присутственный приказъ въ Г(осударствѣ) тотъ, который вѣдаетъ дѣла Ума человѣче-*

---

*) Въ рукописи Румянцевскаго музея—выноска (въ печатныхъ изданіяхъ—въ текстѣ): «что значитъ аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографскаго снаряда».

*ского. Уставъ, коимъ судія долженъ руководствоваться, долженъ быть священъ и непреложенъ *).— Книга, являющаяся передъ его судомъ должна быть — — — **) не какъ извощикъ, пришедшій за нумеромъ, дающимъ ему право изъ платы рыскать по городу, но съ уваженіемъ и снисходительностію. Цензоръ есть важное лицо въ Гос(ударствѣ), санъ его имѣетъ нѣчто священное. Мѣсто сіе долженъ занимать гражданинъ извѣстный своимъ умомъ и познаніями, а не первый коллежскій ассесоръ, который по формуляру учился въ университетѣ. Разсмотрѣвъ книгу и давъ оной права гражд(анства), онъ уже за нее отвѣчаетъ, ибо слишкомъ было бы жестоко подвергать писателя, честно соблюдающаго узаконенныя прав(ила?), двойной и тройной отвѣтственности подъ предлогомъ злоумышленія Богъ вѣдаетъ какого ***).—Но и цензора не должно запугивать—придираясь къ нему за мелочи, неумышленно пропущенныя имъ, и дѣлать изъ него уже не стража Государственнаго Благодѣнствія, но грубаго буточника, поставленнаго на перекресткѣ съ тѣмъ, чтобъ не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противодѣйствующими: тщеславіемъ и корыстолюбіемъ. Если запретительною системою будете вы мѣшать словесности въ ея торговой промышленности, то она предастся въ глухую рукописную оппозицію — —****) всегда заманчивую,*

---

*) Должно быть сюда относится выноска: «*несостоятельность закона столь же вредитъ правительству (Власти), какъ и несостоятельность денежнаго обязательства*».

**) Слово не разобрано.

***) Здѣсь зачеркнутыя слова: *Негодованіе писателя было бы справедливо*».

****) Слово не разобрано.

и успѣхами тщеславія легко утѣшится о денежныхъ убыткахъ.

*Земская цензурн(ая) Управа тщательно должна быть отдѣлена отъ ценс(уры) духовной—какъ было донынѣ въ Россіи.—Ценс(оръ) духовнаго званія не можетъ иногда безъ явнаго неприличія позволить то, что въ свѣтскомъ писателѣ не подлежитъ ни малѣйшей укоризнѣ. Напримѣръ—божбу, — — — — *), шутки надъ нѣкоторыми грѣхами etc. Что было бы верхомъ неприличія въ книгѣ богологической, то развѣ лицемѣръ или глупецъ можетъ осудить въ комедіи или въ романѣ.*

«Нравственность (какъ и Религія) должна быть уважаема писателями; безнравственныя книги суть тѣ, которыя потрясаютъ основанія гражданскаго общества, тѣ которыя проповѣдаютъ развратъ, разсѣваютъ личную клевету, или коп цѣлію имѣютъ распаленіе чувственности пріяпическими изображеніями. Тутъ необходимъ въ ценс(орѣ) здравый умъ и чувство приличія—ибо рѣшеніе его зависитъ отъ сихъ двухъ качествъ. Не долженъ онъ забывать, что большая часть мыслей не подлежитъ отвѣт(ственности?), какъ тѣ дѣла человѣческія, которыя законъ оставляетъ каждому на произволъ его совѣсти.

«Было время — слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится — что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говоритъ о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ—голубые, «ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго Промысла». Въ шотландской балладѣ

---

*) Нѣсколько не разобранныхъ словъ.

Жуковскаго назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня, цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью, и написалъ на полѣ: «перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики». Ода «*Похвала водкѣ*» (?) *) *была запрещена, потому что пьянство запрещено божеск(ими) и челов(ѣческими) законами. Спрашивается каковъ былъ цензоръ и каково было писателямъ.*

«*Радищевъ въ статьѣ своей помѣстилъ «Историческое повѣствованіе о происхожденіи цензуры», Если бы вся книга была такъ написана, какъ этотъ отрывокъ, то вѣроятно она бы не навлекла гроза на автора. Въ сей статьѣ Радищевъ говоритъ (?), что цен(сура) была въ первый разъ установлена инквизиціей. Радищевъ не зналъ, что новѣйшее судопроизводство основано во всей Европѣ по образу и по системѣ* **) *судопроизводства инквизиціоннаго (пытка разумѣется, въ сторону). Инквиз(иція) была потребностью вѣка; исторія ея мало извѣстна и ожидаетъ еще безпристрастнаго изслѣдованія.*

(*Къ этому прибавлено на поляхъ*): «*то, что въ ней отвратительно, есть необходимое слѣдствіе духа кроваваго времени*».

Такова въ полномъ своемъ видѣ статья Пушкина о цензурѣ, какъ она написана собственной рукой великаго поэта въ одной изъ его тетрадей. Мы видимъ здѣсь взглядъ Пушкина на одно изъ важныхъ явленій русской общественной жизни въ эпоху полнаго развитія поэта, въ эпоху зрѣлости его ума. Онъ представляется намъ въ своей статьѣ консерваторомъ въ благородномъ смыслѣ

*) Вмѣсто «водкѣ» (?) было зачеркнутое слово: «вину».
**) Слова эти: «по образу и по системѣ»—зачеркнуты.

этого понятія, человѣкомъ искренно уважающимъ свободу печатнаго слова, но ставящимъ ее въ зависимость отъ общественныхъ законовъ. Пушкинъ думалъ, что законъ долженъ быть «священъ и непреложенъ» одинаково и для писателя, и для цензора; оба должны подчинить свой произволъ «уставу». Пушкинъ при томъ самъ весьма точно опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ по «уставу» нельзя дозволить то или другое сочиненіе.

Извѣстно, что Пушкинъ написалъ нѣсколько стихотвореній о поэтѣ («Поэтъ», «Поэту», «Чернь» и друг.); въ нихъ онъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію, на значеніе искусства, на призваніе поэта. Оберегая искусство, призваннымъ представителемъ котораго считалъ онъ себя, отъ тенденціозности, Пушкинъ строго различаетъ, въ названныхъ стихотвореніяхъ, поэта отъ проповѣдника. Это не значитъ, что онъ считалъ поэзію дѣломъ не имѣющимъ ничего общаго съ областью нравственныхъ началъ; напротивъ, мы знаемъ, что Пушкинъ сравнивалъ поэта съ пророкомъ, а въ стихотвореніи «Памятникъ» своими правами на безсмертіе считалъ—возбужденіе въ душахъ человѣческихъ путемъ искусства добрыхъ чувствъ, призываніе милости къ падшимъ. Но онъ хотѣлъ для поэта свободы отъ предвзятыхъ мыслей, отъ отвлеченныхъ намѣреній; подмѣчать красоту вездѣ, гдѣ она есть, и изображать ее съ сердечной любовью—вотъ, по его мнѣнію, задача искусства, а польза (это подразумѣвалось за словами поэта, какъ прекрасно подмѣтилъ Бѣлинскій) придетъ сама собою; польза «не цѣль» поэзіи, а ея «прямое дѣйствіе», необходимое слѣдствіе, сказалъ знаменитый критикъ *).—Въ концѣ своей дѣятельности, въ 30-хъ годахъ, Пушкинъ задумывалъ, кромѣ извѣстныхъ намъ, еще

*) Соч. Бѣлинскаго, т. IV. Статья о стихотвореніяхъ Лермонтова, стр. 275, (изд. 1859 года).

одно стихотвореніе такого же характера; въ немъ должна была идти рѣчь о свободѣ поэтической дѣятельности, о свободномъ избраніи поэтомъ предметовъ вдохновенія. Стихотвореніе это, до сихъ поръ неизвѣстное, находится, но еще въ черновомъ, совершенно неотдѣланномъ видѣ, съ пропусками и зачеркнутыми словами, въ 2384 № Пушкинскихъ рукописей Румянцевскаго музея *). Вотъ оно:

«Поэтъ идетъ—открыты вѣжды
«А онъ не видитъ никого;
«А между тѣмъ за край одежды
«Тихонько дергаютъ его!..
«Глупцы *(это слово въ подлинникѣ зачеркнуто)*...
«Таковъ (?) поэтъ: какъ Аквилонъ,
«Что хочетъ, то уноситъ онъ:
«Увядшій листъ, прахъ площадной,
«Иль куполъ...
«И не спросясь ни у кого,
«Какъ Дездемона, избираетъ
«Кумиръ для сердца своего.

Зачеркнутое слово «глупцы», послѣ 4-го стиха, сближаетъ это стихотвореніе съ тѣмъ, которое извѣстно подъ именемъ «Чернь». Но только то, что въ послѣднемъ высказано съ болѣзненнымъ раздраженіемъ, въ нынѣ открытомъ сочиненіи поэтъ хотѣлъ, кажется, сказать спокойно.

Интересно, что образъ, заимствованный изъ драмы Шекспира, является у Пушкина не только здѣсь, но еще и въ недавно открытыхъ строфахъ «Родословной моего героя»; въ высоко поэтической XI строфѣ идетъ тоже рѣчь о свободѣ поэта и встрѣчаются такіе стихи:

«Зачѣмъ арапа своего
«Младая любитъ Дездемона,
«Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу? **).

*) Стихотвореніе вѣроятно относится къ 30-мъ годамъ, потому что на сосѣднихъ къ нему листахъ находятся черновые отрывки изъ стихотвореній: «На выздоровленіе Лукулла», «Опять на родинѣ», «Памятникъ».

**) «Русская Мысль» 1886 года. № 5.

«Отелло» Шекспира очень занималъ Пушкина: въ своихъ критическихъ замѣткахъ поэтъ нашъ высказалъ прекрасныя и оригинальныя мысли о великой драмѣ.

По поводу упомянутаго стихотворенія «Чернь» слѣдуетъ замѣтить, что въ тетради подъ № 2393, гдѣ собраны распредѣленныя по родамъ и, должно быть, приготовленныя къ печати стихотворенія, переписанныя рукой переписчика, заглавіе этого сочиненія измѣнено: слово «чернь» зачеркнуто и рукой Пушкина написано: «Поэтъ и толпа». Нельзя не признать, что это заглавіе гораздо лучше, ибо точнѣе обозначаетъ сущность произведенія: въ немъ поэтъ подъ «безсмысленнымъ народомъ» разумѣетъ, очевидно, именно *толпу*, т. е. умственную и нравственную чернь. Новое названіе, данное самимъ авторомъ, какъ бы предостерегаетъ отъ ложнаго пониманія стихотворенія, и, конечно, должно замѣнить нынѣ печатающееся заглавіе — «Чернь», могущее возбуждать недоразумѣнія.

Кстати будетъ указать и еще на нѣсколько стихотвореній, которыя Пушкинъ озаглавилъ въ вышеупомянутой тетради иначе, чѣмъ принято въ печатныхъ изданіяхъ. Такъ, «Кобылица молодая»... вмѣсто «Подражаніе Анакреону» названо — «*Изъ Анакреона*»; «Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ»... вмѣсто «Конрадъ Валенродъ» названо: «*Изъ Валенрода*»; «Пью за здравіе Мери», печатающееся безъ названія, озаглавлено: «*Изъ Barry Cornwall*» (это имя въ изданіяхъ Пушкина ставится лишь подъ эпиграфомъ стихотворенія). Тоже печатающееся безъ названія, одно изъ свѣтлыхъ религіозныхъ произведеній поэта: «Когда великое свершалось торжество»... въ толстой тетради рукописей подъ № 2395 наименовано «*Мірская власть*»; и наоборотъ, въ той же тетради, стихотвореніе «Изъ Пиндемонта VI» — «Не дорого цѣню я

громкія права» — не носитъ никакого заглавія; быть можетъ это указываетъ, что стихотвореніе — вполнѣ оригинально. Кстати будетъ привести изъ вышеупомянутой тетради варіантъ двухъ предпослѣднихъ стиховъ этого, несомнѣнно одного изъ высочайшихъ вдохновеній Пушкина.

Напечатано:

«По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
«Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
«*И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья*
«*Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья*—
Вотъ счастье, вотъ права.

Въ рукописи:

«По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
«Дивясь божественнымъ природы красотамъ
«*Или созданіямъ искусствъ и вдохновенья*,
«*Трепеща радостно въ восторгахъ умиленья*,—
«Вотъ счастье, вотъ права.

Какъ есть въ печатныхъ изданіяхъ Пушкина неточности въ заглавіяхъ произведеній, такъ есть неточности и въ указаніяхъ посвященій. Напримѣръ, знаменитое стихотвореніе «Красавица» («Все въ ней гармонія, все диво») обыкновенно приписывается Н. Н. Гончаровой — невѣстѣ поэта; въ рукописи (тетрадь № 2393) стоитъ: «Въ альбомъ Г***» и подъ тремя звѣздочками прибавлено (другими чернилами, мелко и другой рукой, но рукой ли Пушкина — сказать трудно): «рафинѣ». Быть можетъ, стихотвореніе посвящено не Гончаровой, точно также, какъ и, приписываемое обыкновенное ей же, но уже супругѣ поэта, — «Мадона» («Не множествомъ картинъ»...): въ рукописи при немъ нѣтъ никакого посвященія. — «Что можемъ наскоро стихами молвить ей» въ печатномъ изданіи посвящается «К. П. Бакуниной»; въ рукописи: «К. А. Б***».

Приведемъ, какъ примѣры черновой работы Пушкина, прозаическіе его переводы двухъ стихотвореній, которые, вѣроятно, предполагалъ онъ обработать потомъ въ поэтической формѣ. Переводы эти находятся въ 3-й тетради папки подъ № 2386. Г. Якушкинъ указалъ на нихъ въ своемъ описаніи, но напечаталъ только ихъ начальныя строки.

«Пѣсенка Афродитѣ.

«О, Венера, безсмертная, драгоцѣнно-престольная (разно-каменно-престольная), хитрая, обманчивая дщерь Юпитера, прошу тебя: не огорчай меня, о Богиня, въ душѣ обманомъ и печалію, но приди любви ради, услышь мой голосъ, которому ты часто внимала; оставивъ златой отцовскій домъ, ты ко мнѣ приходила. Воробьи красивые *везли* (*на верху*: по воздуху несли) тебя на колесницѣ, черными крыльями своими помахивая. Лишь только были они отпряжены, ты, о Богиня щастливая, усмѣхаясь безсмертнымъ лицемъ, спрашиваешь меня: чѣмъ я огорчена и зачѣмъ тебя я позвала? что ты хочешь изъ себя сдѣлать въ любовномъ изступленіи? кого я должна слушать? кто тебя, о Сафо, огорчаетъ? Если теперь онъ тебя избѣгаетъ, скоро будетъ тебя преслѣдовать. Если подарковъ не присылаетъ (?), скоро будетъ давать (?). Если теперь не любитъ, скоро полюбитъ. Когда прикажешь? Приди ко мнѣ и теперь. Избавь меня отъ печали тяжкой — и то, что сердце мое хочетъ совершить, соверши сама, о Венера, и будь моей помощницей».

Въ другомъ, тоже вполнѣ приводимомъ здѣсь, переводѣ встрѣчается непонятное, или неразобранное нами при чтеніи мѣсто; отмѣчаемъ его курсивомъ:

«Діонизіи.

«Тотъ мнѣ кажется равенъ богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголющую *и улыбаясь*

пріятно то, что мнѣ сердце въ груди напо(мняло?) страхомъ, какъ только тебя увидѣла — — — Теряю голосъ, языкъ мой ломается, огонь проникаетъ въ мою кожу, въ ушахъ звенитъ, и глаза покрываются ночью, и холодный потъ течетъ, дрожь по всему тѣлу, я становлюсь зеленѣе травы, боюсь скоро умереть, я кажусь бездыханна...»

Тетрадь подъ № 2392 заключаетъ въ себѣ «Комедію о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ». Это четко переписанный (неизвѣстной рукою) экземпляръ великой драмы, въ которомъ сдѣланы поэтомъ собственноручныя поправки *). Рукопись представляетъ большой интересъ въ смыслѣ установленія текста драмы; поправки Пушкина двухъ родовъ: однѣ, очевидно, вызваны замѣчаніями императора Николая Павловича **), другія—эстетическими требованіями, художественнымъ вкусомъ поэта. Изъ первыхъ отмѣтимъ, какъ примѣры: замѣну имени юродиваго —«Николка» словами «желѣзный колпакъ» и «юродивый»; наименованіе Мисаила и Варлаама вмѣсто «чернецовъ»—«бродягами въ видѣ чернецовъ»; пропускъ въ сценѣ «Москва; домъ Шуйскаго» двухъ стиховъ: «увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей» и — «правительствомъ подкупленные воры»; а въ сценѣ «Москва; царскія палаты» — семи стиховъ:

«Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
«Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
«Смиритель бурь, разумный самодержецъ,

---

*) Г. Якушкинъ въ своемъ описаніи рукописи указываетъ, для примѣра, лишь на одну ея особенность: пѣсня чернецовъ въ сценѣ «Корчма на Литовской границѣ»: «Ахъ, люба, ты люба моя...»

**) Объ этихъ замѣчаніяхъ и о всей исторіи запрещенія и разрѣшенія драмы см. въ интересной статьѣ М. И. Сухомлинова: «Императоръ Николай Павловичъ—цензоръ и критикъ сочиненій Пушкина» («Ист. Вѣстн.» 1884 г., январь); статья написана по неизданнымъ и малодоступнымъ документамъ.

«Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
«Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
«Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
«Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже».

Важнѣе поправки другого рода, явившіяся по собственному внутреннему побужденію Пушкина; укажемъ на главныя изъ нихъ:

Въ сценѣ «Краковъ; домъ Вишневецкаго» Самозванецъ говоритъ патеру Черниковскому, по нынѣ печатаемому тексту:

«Весь мой народъ и *вся восточна* церковь
«Признаютъ власть намѣстника Петра».

Пушкинъ въ рукописи Румянцевскаго музея такъ измѣнилъ первый стихъ:

«Весь мой народъ, *вся сѣверная* церковь
«Признаютъ власть намѣстника Петра».

Несомнѣнно, что отъ этого измѣненія стихъ становится лучше и по смыслу, и по языку.

Разговоръ съ патеромъ Самозванецъ оканчиваетъ словами:

«Amen! Кто тамъ! Сказать: мы принимаемъ».

Пушкинъ зачеркиваетъ латинское «amen», искажавшее стихъ, и ставитъ славянское «аминь».

Въ сценѣ «Граница Литовская» размышленія Самозванца о молодомъ князѣ Курбскомъ обыкновенно печатаются въ такомъ видѣ:

«Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,
«Забывъ отцомъ *снесенныя* обиды,
«Его вину за гробомъ *искупивъ*,
«Ты кровь излить за сына Іоанна
«Готовишься, законнаго царя
«Ты возвратить отечеству...»

Въ рукописи измѣнены два отмѣченныя здѣсь курсивомъ слова, и чрезъ это измѣняется построеніе періода:

«Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,
«Забывъ отцомъ *несенныя* обиды,
«Его вину за гробомъ *искупилъ*,
«Ты кровь излить за сына Іоанна
«Готовишься, законнаго царя,
«Ты возвратить отечеству...»

Въ сценѣ «Площадь передъ соборомъ въ Москвѣ» пѣсня юродиваго читается по рукописи:

«Мѣсяцъ *свѣтитъ*,
«Котенокъ плачетъ...» и т. д.

это, конечно, лучше, чѣмъ въ печатномъ текстѣ:

«Мѣсяцъ *ѣдетъ*,
«Котенокъ плачетъ...»

Въ «Корчмѣ на Литовской границѣ» Варлаамъ, сердясь на Григорія, говоритъ:

«Невѣдомо кто, невѣдомо откуда—да еще и спѣсивится; *можетъ быть, кобылу нюхалъ...*»

Пушкинъ въ рукописи зачеркиваетъ послѣднія слова, —конечно, вслѣдствіе ихъ грубости, побуждаемый эстетическимъ чувствомъ... (Странно, однако, замѣтимъ кстати, что немного далѣе Варлаамъ говоритъ: «отстаньте, с...ны дѣти!» вмѣсто обыкновенно печатающагося болѣе мягкаго выраженія: «отстаньте, пострѣлы!»).

Въ послѣдней сценѣ драмы въ восклицаніяхъ народа: «Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты... крики замолкли... *шумъ продолжается...*» отмѣченныя курсивомъ послѣднія два слова—въ рукописи зачеркнуты, и это несомнѣнно усиливаетъ впечатлѣніе: вслѣдъ за словами «крики замолкли» Мосальскій является на крыльцѣ и объявляетъ народу о смерти Маріи Годуновой и Ѳеодора.

Приведенные примѣры свидѣтельствуютъ, что рукопись «Комедіи о царѣ Борисѣ», принадлежащая Румянцевскому музею, имѣетъ первостепенное значеніе, быть можетъ даже болѣе важное, чѣмъ та собственноручная рукопись Пушкина (принадлежащая П. В. Жуковскому), о которой говоритъ въ своей статьѣ академикъ Сухомлиновъ, весьма основательно предполагая, что она именно и была представлена на просмотръ императору Николаю; намъ эта послѣдняя рукопись, къ сожалѣнію, неизвѣстна, и потому мы можемъ только въ видѣ вопроса высказать мысль—не относится ли рукопись Румянцевскаго музея (т. е. пушкинскія поправки въ ней) къ болѣе позднему времени? ибо поправки поэта (по крайней мѣрѣ имѣющія цензурный характеръ) сдѣланы, какъ мы видѣли, *послѣ* замѣчаній императора. Во всякомъ случаѣ сличеніе двухъ рукописей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, кажется, можетъ установить текстъ Пушкинской пьесы.

Прибавимъ два замѣчанія: 1) Въ обѣихъ важнѣйшихъ рукописяхъ пьеса названа «Комедіей о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ»,—не слѣдуетъ ли такъ и называть ее? Пушкину подобное названіе нравилось, какъ свидѣтельствуютъ его письма; а если въ печати оно замѣнено болѣе простымъ—«Борисъ Годуновъ», то причины такой замѣны могли быть чисто внѣшнія.—2) Существуетъ два варіанта окончанія драмы: а) «народъ безмолствуетъ»; б) народъ кричитъ: «да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!» Въ числѣ мѣстъ (шести), которыми императоръ Николай Павловичъ былъ недоволенъ въ пьесѣ, нѣтъ заключительной сцены*); слѣдовательно—оба варіанта принадлежатъ свободному вымыслу Пушкина, или одинъ изъ нихъ Жуковскому (по согласію, конечно, съ Пушкинымъ). Такимъ образомъ, восторги Бѣлинскаго отъ «народ-

*) «Ист. Вѣстн.» 1884 г. январь, стр. 68—72. Статья М. И. Сухомлинова.

наго безмолвія», завершающаго великую драму, не упраздняются, а могутъ остаться во всей силѣ.

Извѣстны дружескія чувства, соединявшія Пушкина и его былого учителя въ поэзіи—Жуковскаго. Уважая Жуковскаго, Пушкинъ, кажется, даже допускалъ его иногда дѣлать поправки въ своихъ произведеніяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, сообщаемый М. И. Сухомлиновымъ фактъ, что въ собственноручной Пушкинской рукописи «Комедіи о царѣ Борисѣ»—«всѣ или почти всѣ измѣненія въ автографѣ Пушкина, сдѣланныя карандашомъ, принадлежатъ, судя по почерку, Василію Андреевичу Жуковскому»*). Приводимыя уважаемымъ ученымъ, какъ примѣры, поправки вошли въ печатныя изданія «Бориса Годунова».

Въ свою очередь Жуковскій отдавалъ иной разъ на судъ и исправленіе Пушкина свои работы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ найденный въ бумагахъ Пушкина переводъ «Слова о полку Игоревѣ». Переводъ этотъ находится въ одной тетради (папка № 2386) съ собственноручными замѣчаніями великаго поэта на памятникъ нашей древней поэзіи; но самъ переводъ написанъ не Пушкинской рукою. Первый прочитавшій его, г. Е. Барсовъ издалъ его въ свѣтъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ» (1882 г., кн. 2), и затѣмъ отдѣльно, въ 1883 г., подъ заглавіемъ «Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ А. С. Пушкина». Однако, заключеніе почтеннаго ученаго о принадлежности перевода великому поэту оказалось преждевременнымъ. Въ бумагахъ Жуковскаго, пожертвованныхъ сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ, въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1884 году, найденъ тотъ же переводъ, писанный рукой Жуковскаго въ одной тетради съ имъ же

---

*) «Ист. Вѣстн.» 1884 г. январь, стр. 77.

переписаннымъ оригиналомъ «Слова о полку» (съ изданія графа Мусина-Пушкина), причемъ оригиналъ раздѣленъ на стихи, соотвѣтствующіе стихамъ переложенія *). Такимъ образомъ переводъ оказывается принадлежащимъ В. А. Жуковскому.—Но въ рукописи Румянцевскаго музея въ переводѣ этомъ есть поправки, сдѣланныя рукой Пушкина; онѣ-то и свидѣтельствуютъ о взаимныхъ литературныхъ и дружескихъ отношеніяхъ двухъ поэтовъ. Поправки эти, или измѣненія, остаются донынѣ необнародованными. При этомъ должно замѣтить, что, во-первыхъ, текстъ перевода, находящійся въ Пушкинскихъ рукописяхъ, не тождественъ съ текстомъ рукописи Жуковскаго (какъ она издана въ Приложеніяхъ къ Отчету Имп. Публ. Библіотеки за 1884 г.); во-вторыхъ, въ принадлежавшей Пушкину рукописи, кромѣ собственныхъ поправокъ великаго поэта, есть еще сдѣланныя неизвѣстной намъ рукою. Будущему изслѣдователю перевода Жуковскаго предстоитъ сличить объ рукописи, и это сличеніе, быть можетъ, укажетъ—насколько Жуковскій соглашался съ поправками своего знаменитаго ученика и друга, насколько онъ принималъ ихъ. — Мы ограничимся пока приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ измѣненій, внесенныхъ Пушкинымъ въ переводъ:

Стихъ «Слова» — «растѣкашется мыслію по древу» Жуковскій передалъ словами: «растекался мыслію по древу», Пушкинъ измѣнилъ: «то носился славіемъ по древу» (слово «то» объясняется предшествующимъ стихомъ: «если пѣснь кому сотворить хотѣлъ»; а «славіемъ», поставленное, впрочемъ, въ скобкахъ, послѣдующими стихами: «сѣрымъ *волкомъ* по землѣ, сизимъ *орломъ* подъ облаками»).

Въ стихѣ: «увидѣлъ онъ *воевъ* своихъ, тьмою отъ

*) Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1884 годъ. Спб. 1887 г. Описаніе бумагъ В. А. Жуковскаго сдѣлано г. Ив. Бычковымъ. См. Приложеніе, стр. 80. При описаніи напечатанъ и самый переводъ.

него прикрытыхъ» — вмѣсто *воевъ* въ Пушкинской рукописи поставлено *воиновъ*.

Слова подлинника: «спалъ князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго» — переданы въ рукописи Публичной Библіотеки стихами:

«Вспала князю на умъ охота,
«Знаменье заступило ему желаніе
«Отвѣдать Дону великаго»;

а въ рукописи Румянцевскаго музея:

«Вспала князю на умъ охота,
«А знаменье заступило ему желаніе
«Отвѣдать Дону великаго».

Пушкинъ измѣнилъ второй стихъ перевода:

«*А знаменье закрыло отъ него желаніе* *)».

Стихи подлинника: «летая умомъ подъ облаки, свивая славы оба полы сего времени» Жуковскій перевелъ

«Взлетая умомъ подъ облаки,
«Свивая всѣ славы сего времени».

Пушкинъ подчеркнулъ слово *славы* и сбоку написалъ: «сплетая хвалы со всѣхъ сторонъ».

Четыремъ строчкамъ рукописи Публичной Библіотеки:

«Сѣдлай, братъ, борзыхъ коней своихъ,
«А мои тебѣ готовы,
«Осѣдланы передъ Курскомъ.
«А куряне мои бодрые кмети—

соотвѣтствуютъ въ рукописи Румянцевскаго музея три тождественныя первыя строчки, стиха же четвертаго тамъ первоначально не было; онъ вписанъ потомъ карандашомъ, при чемъ сдѣланы и измѣненія въ первыхъ стихахъ:

*) Г. Барсовъ печатаетъ этотъ стихъ въ такомъ странномъ видѣ: «а знаменіе заступило отъ него ему желаніе»; очевидно, Пушкинъ лишь по недосмотру не зачеркнулъ слово: ему.

«Сѣдлай же, братъ, борзыхъ коней своихъ,
«А мои тебѣ *извѣстны*,
«Осѣдланы *предъ* Курскомъ.
«*Мѣтки въ стрѣльбѣ мои куряне!*»

Стихъ: «то было въ тѣхъ ратяхъ и тѣхъ походахъ» (оригиналъ: «то было въ ты рати и въ ты плъкы») въ Пушкинской рукописи измѣненъ: «то было въ тѣхъ сѣчахъ, въ тѣхъ битвахъ». Но Пушкинской ли рукой сдѣлана эта поправка—сказать трудно, точно такъ же, какъ и про замѣну стиховъ Жуковскаго:

«Сыпали мнѣ пустыми колчанами
«Жемчугъ великой въ нечистыхъ раковинахъ на лоно»

стихами:

«Сыпали мнѣ пустыми раковинами
«Жемчугъ великой на лоно»

(въ оригиналѣ: «сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинь великый женчюгь на лоно»).

Отмѣтимъ еще, уже несомнѣнно не Пушкинской рукой сдѣланное, но прекрасное измѣненіе: «забывъ... своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая» Жуковскій первоначально перевелъ:

«О красной Глѣбовнѣ, миломъ своемъ желаніи, свычаѣ и обычаѣ;

въ Пушкинской рукописи этотъ стихъ зачеркнутъ и на поляхъ написано:

«О свычаѣ и обычаѣ милой супруги своей Глѣбовны красныя».

Въ заключеніе приведемъ примѣръ, представляющій особый интересъ. Повѣствуя о гибели юноши князя Ростислава, пѣвецъ «Слова», между прочимъ, говоритъ: «уныша цвѣты жалобою». Въ рукописи Румянцевскаго

музея это было переведено: «цвѣтутъ цвѣты жалобою»; затѣмъ все выраженіе зачеркнуто и написано: «увянулъ цвѣтъ жалобою» и потомъ опять поправлено: «отъ жалобы». Въ рукописи Публичной Библіотеки читаемъ: «увянулъ цвѣтъ жалобою». Такое обстоятельство какъ-будто указываетъ, что рукопись Жуковскаго написана послѣ Пушкинскихъ поправокъ, или стоитъ въ зависимости отъ нихъ; но утверждать это категорически нельзя до обстоятельнаго сличенія обѣихъ редакцій перевода: есть мѣста, препятствующія остановиться на подобномъ выводѣ (между прочимъ и нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше).

Поправки и измѣненія въ переводѣ «Слова о полку Игоревѣ», примѣры которыхъ мы привели, не представляютъ чего-либо существенно-важнаго въ художественномъ смыслѣ; но онѣ интересны въ томъ отношеніи, что, во-первыхъ, показываютъ, какъ внимательно и строго относились наши знаменитые поэты къ передачѣ на новый русскій языкъ прекраснаго поэтическаго памятника старины; во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ, какія были близкія дружескія литературныя отношенія между Пушкинымъ и Жуковскимъ.

Кромѣ собственныхъ произведеній Пушкина, въ рукописяхъ Румянцевскаго музея есть еще болѣе или менѣе важные матеріалы для біографіи поэта.—Извѣстно, что въ послѣдніе годы жизни Пушкинъ съ увлеченіемъ читалъ Свящ. Писаніе, житія святыхъ. Въ одной изъ тетрадей мы находимъ новое подтвержденіе религіозности великаго писателя — собственноручно переписанное имъ (на трехъ большихъ страницахъ) сказаніе «*Изъ Пролога о преставленіи Св. Саввы Звенигородскаго*». Св. Савва, ученикъ преп. Сергія Радонежскаго, былъ основатель

монастыря на Сторожевской горѣ, въ полуторыхъ верстахъ отъ Звенигорода; обитель эта, расположенная въ чрезвычайно живописной мѣстности, была любимой обителью царя Алексѣя Михайловича, который даже лично управлялъ ею; она донынѣ пользуется благоговѣйнымъ уваженіемъ народа, и на поклоненіе Св. Саввѣ лѣтомъ стекается много богомольцевъ. Чувство поэта, побуждавшее его переписать сказаніе изъ Пролога, было выраженіемъ чувства народнаго.

Пушкинъ очень интересовался судьбою своего предка со стороны матери—арапа Петра Великаго Абрама Петровича Ганнибала. Извѣстны чудесные стихи его въ отвѣтъ на булгаринскую выходку:

«Рѣшилъ Фигляринъ, сидя дома,
«Что будто дѣдъ мой Ганнибалъ
«Былъ купленъ за бутылку рома
«И въ руки шкиперу попалъ.
«Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
«Кѣмъ наша двигнулась земля,
«Кто придалъ мощно бѣгъ державный
«Кормѣ роднаго корабля.
«Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,—
«И сходно купленный арапъ
«Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
«Царя наперстникъ, а не рабъ».

Въ бумагахъ поэта хранится нѣмецкая біографія Абрама Петровича Ганнибала и написанный собственной рукой Пушкина (на нѣсколькихъ страницахъ), переводъ ея (первая тетрадь въ папкѣ подъ № 2387). Этой біографіей пользовался Анненковъ въ своемъ сочиненіи «Пушкинъ въ Александровскую эпоху». Она и послужила великому поэту матеріаломъ для вышеприведенныхъ стиховъ и для романа «Арапъ Петра Великаго». Какъ дополненіе къ этой біографіи и подтвержденіе разсказаннаго въ ней объ отношеніяхъ Петра къ своему черному

крестнику, Пушкинъ переписалъ письмо императрицы Екатерины II къ Абраму Петровичу. Приводимъ это письмо (изъ тетради № 2395):

«Абрамъ Петровичъ. Мнѣ не безъизвѣстно, что многіе чертежи въ сохраненіи вашемъ находилися, въ то время, когда блаженныя памяти Государь Петръ Великій по способности вашей употреблялъ васъ по многимъ дѣламъ; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего Великаго Государя и своей тогдашней при немъ службы, сберегли въ своихъ рукахъ всѣ любопытства достойныя бумаги. А какъ мнѣ извѣстно же, что Онъ помышлялъ о строеніи канала отъ Москвы до Петербурга и къ тому уже и проэктъ сдѣланъ былъ, то вы мнѣ особливую благодарность сдѣлаете, ежели чертежъ тому отыскавъ (когда онъ у васъ былъ), пришлете ко мнѣ со всѣми принадлежащими къ нему бумагами, хотя бы онъ въ чернѣ только былъ сдѣланъ. Но ежели вы ничего о семъ дѣлѣ въ рукахъ своихъ не имѣли, то по крайней мѣрѣ укажите мнѣ, гдѣ оный отыскать можно, который я съ нетерпѣливостью видѣть хочу.

«Также если вы о семъ проэктѣ отъ Его Величества разсужденіи слышали прошу сколь вы о томъ вспомните ко мнѣ отписать. Остаюсь вамъ доброжелательная

«Екатерина».

«2-го сентября 1765 г.
«Царское Село».

Сбоку послѣднихъ строчекъ письма (отъ словъ: «также если вы...») Пушкинъ помѣтилъ: «собственноручно».

Встрѣчаются въ рукописяхъ разсчеты долговъ Пушкина. Назовемъ еще: письмо къ поэту нѣкоего Мих. Бушина (?), свидѣтельствующее о несостоявшемся намѣреніи Пушкина пріобрѣсти акціи 2-го страховаго общества; документъ о передачѣ Жуковскимъ въ Опеку бумагъ Пушкина, передъ отъѣздомъ за-границу въ 1838 го-

ду; прошеніе, вѣроятно писанное Жуковскимъ, на высочайшее имя о разрѣшеніи напечатать въ посмертныхъ сочиненіяхъ Пушкина «Матеріалы для біографіи Петра Великаго». Приводимъ это прошеніе (изъ тетради № 2395):

«Сочиненія Пушкина, оставшіяся по смерти его, собраны и скоро будутъ приготовлены къ изданію въ свѣтъ. Въ числѣ ихъ находится рукопись, содержащая *матеріалы для исторіи Петра Великаго*, которые я уже имѣлъ счастіе представлять на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Тогда Вы соизволили замѣтить, что сія рукопись издана быть не можетъ по причинѣ многихъ неприличныхъ выраженій на счетъ Петра Великаго. Теперь манускриптъ пересмотренъ со вниманіемъ и все замѣченное или выброшено или исправлено.—Испрашиваю всеподданнѣйше позволенія у Вашего Императорскаго Величества *напечатать* сію рукопись; ибо исключеніемъ оной изъ сочиненій Пушкина прибыль отъ изданія въ пользу его дѣтей можетъ *уменьшиться* 25.000 р. Всеподданнѣйше испрашиваю также у Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія и о томъ, чтобы все собраніе сихъ сочиненій представить на разсмотрѣніе въ обыкновенную цензуру, какъ то было уже со многими сочиненіями того же автора, напечатанными послѣ его смерти. Февраль 1840 года».

Послѣднія слова прошенія напоминаютъ намъ, что и самъ Пушкинъ при жизни хлопоталъ о подсудности своихъ сочиненій обыкновенной цензурѣ. Императоръ Николай Павловичъ еще въ 1826 году, при вступленіи на престолъ, пожелалъ оказать цѣнимому имъ поэту милость — лично объявилъ ему, что будетъ самъ цензоромъ его произведеній. Но, вопреки внутреннему смыслу воли императора, обстоятельства сложились такъ, что цензура царя обратилась въ цензуру гр. Бенкендорфа, не жаловавшаго Пушкина,—и великій писатель сталъ просить,

чтобы ему даровано было право обращаться въ цензуру обыкновенную. Объ этомъ же правѣ хлопочетъ и составитель приведеннаго прошенія.

Познакомивъ читателей съ главными вновь найденными сочиненіями Пушкина и матеріалами для его біографіи, заканчиваемъ статью повтореніемъ сказаннаго въ началѣ ея: рукописи великаго поэта, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ,—великая драгоцѣнность. Онѣ представляютъ богатый живой источникъ и для будущихъ издателей Пушкина, и для будущихъ біографовъ и критиковъ величайшаго писателя Русской земли.

Кѣмъ и почему пропущена одна глава изъ повѣсти „Капитанская дочка?“ *).

Между великими созданіями Пушкина повѣсть «Капитанская дочка» занимаетъ несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ. Написанная въ 1833 году, она носитъ на себѣ явные признаки полнаго разцвѣта таланта великаго поэта. Она замѣчательна главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что въ ней Пушкинъ съ глубокимъ сочувствіемъ отнесся къ простымъ русскимъ людямъ, къ нашей старинѣ, къ нашей обыденной дѣйствительности, съумѣвши открыть въ ней безсмертную нравственную красоту; во-вторыхъ, по своей художественности. Художественность сказалась не только въ томъ обстоятельствѣ, что герои повѣсти какъ живые возникаютъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ, но еще въ большемъ: ведя разсказъ отъ лица Гринева (повѣсть имѣетъ форму его записокъ), Пушкинъ до такой степени входитъ самъ въ нравственное бытіе своего героя, влѣзаетъ, какъ говорится, въ его кожу, что совершенно почти скрывается за личностью добродушнаго и любящаго просвѣщеніе, нѣсколько наивнаго, но обладающаго здравымъ умомъ помѣщика конца прошлаго вѣка (здѣсь, можетъ быть, и начало слабой стороны «Капитанской дочки»; но объ

*) Замѣтка эта была напечатана въ „Новомъ Времени“ 1881 года 5 января.

этомъ не мѣсто говорить въ настоящей коротенькой замѣткѣ). Мы видимъ въ повѣсти съ осязательной очевидностью взгляды и убѣжденія Гринева, его сочувствія и антипатіи, степень его просвѣщенія, его литературныя знанія (послѣднее, напримѣръ, въ эпиграфахъ къ отдѣльнымъ главамъ произведенія, въ различныхъ ссылкахъ). Чрезвычайно замѣчателенъ языкъ, слогъ повѣсти: къ нему какъ нельзя болѣе примѣнимо извѣстное положеніе— слогъ это человѣкъ: въ спокойномъ и вмѣстѣ живомъ теченіи простой, не изысканной рѣчи, въ употребленіи устарѣлыхъ «сей» и «оный», въ попадающихся порою неправильныхъ оборотахъ —такъ и видится Гриневъ. По всѣмъ этимъ причинамъ «Капитанская дочка» — верхъ художественнаго совершенства; въ повѣсти нѣтъ ни одного неумѣстно поставленнаго слова, и ни одного слова нельзя изъ нея исключить.

И вотъ, однако, оказалось, что изъ нея исключена была цѣлая глава, обширный эпизодъ повѣствованія. Глава эта появилась въ печати въ 1880 году въ третьей книжкѣ «Русскаго Архива» и перепечатана затѣмъ многими повременными изданіями. Почему же исключилъ ее поэтъ изъ повѣсти: по цензурнымъ условіямъ 30-хъ годовъ или по собственному внутреннему побужденію, будучи недоволенъ ею?

Вникнемъ пообстоятельнѣе въ дѣло. Прежде всего оказывается, что глава эта пропущена поэтомъ изъ произведенія раньше его окончательной отдѣлки: она предстала передъ нами въ необработанномъ видѣ: объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ (не говоря уже о томъ, что Зуринъ въ ней называется еще Гриневымъ) внѣшнія противорѣчія въ ней самой и въ ея отношеніи къ цѣлой повѣсти. Остановимся на противорѣчіяхъ перваго рода. Когда Петръ Андреичъ, запертый въ амбарѣ съ своимъ семействомъ, проситъ Савельича послать кого-нибудь къ

Зурину, дать ему знать о происходящемъ въ деревнѣ, Савельичъ отвѣчаетъ:

«Да кого же послать, сударь? *Всѣ* мальчишки *бунтуютъ*, а лошади всѣ захвачены».

А дальше разсказывается, что слуги Гриневыхъ не бунтовали. Петръ Андреичъ пишетъ, что когда Зуринъ освободилъ его и его родителей,—

«Слуги явились въ переднюю. *Они не участвовали въ бунтѣ* и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію».

Другой примѣръ: Гриневъ ѣдетъ въ родную деревню съ двумя пропусками въ карманѣ; онъ самъ говоритъ объ этомъ:

«На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ, и приказъ полковника Гринева».

А между тѣмъ, когда караульный на заставѣ въ деревнѣ заявляетъ ему о бунтѣ и спрашиваетъ «пашпорту», Гриневъ не предъявляетъ пропуска самозванца, а прорывается черезъ заставу силою. Точно также онъ не предъявляетъ этого пропуска и земскому Андрюшкѣ; а такимъ путемъ онъ могъ бы, по всей вѣроятности, даже освободить своихъ родителей и Марью Ивановну.

Затѣмъ, между повѣшенными, которыхъ Гриневъ, переѣзжая черезъ Волгу, видитъ на плывущемъ по рѣкѣ плоту, оказывается какой-то «его» Ванька:

«Это былъ Ванька (разсказываетъ онъ), бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву».

Ни о какомъ Ванькѣ раньше въ повѣсти не говорилось, и онъ является въ этой сценѣ совершенно непонятнымъ лицемъ.

Возможно, однако же, что всѣ эти факты, свидѣтельствуя о неотдѣланности главы, вовсе не указываютъ на то, что поэтъ былъ недоволенъ ею: можетъ быть онъ не обработалъ ее именно потому, что не надѣялся на бла-

гополучный пропускъ черезъ цензуру? Но противъ такого разсужденія можно сдѣлать весьма существенныя возраженія. Во-первыхъ, странно полагать, что великій поэтъ, сочиняя свое произведеніе, думаетъ въ то же время о цензурѣ, подчиняя такимъ образомъ, свое творчество постороннимъ и случайнымъ внѣшнимъ условіямъ; такъ поступать можетъ только журналистъ, пишущій о «злобѣ дня», и имѣющій въ виду лишь временное значеніе своего сочиненія, но не поэтъ или ученый: вдохновеніе и научная мысль свободны по самому существу своему, ибо назначены не для минуты,—цензурныя условія времени пройдутъ, а они останутся, и потому поэтъ или ученый могутъ пропустить изъ своего произведенія тотъ или другой эпизодъ, но это будетъ сдѣлано ими только послѣ написанія сочиненія. Во-вторыхъ, въ пропущенной главѣ «Капитанской дочки» есть такіе недостатки, которые заставляютъ насъ скорѣе думать, что поэтъ самъ былъ ею недоволенъ.

Написанная великимъ художникомъ въ пору полнаго развитія его генія, глава эта заключаетъ въ себѣ, конечно, много поэтическихъ достоинствъ. Напр., удивительно хороша сцена объясненія Гринева съ караульнымъ на заставѣ.

«Я увидалъ рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая паспорту. «Что это значитъ»? спросилъ я его. «Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь»?—«Да мы, батюшка, бунтуемъ», отвѣчалъ онъ почесываясь».

Далѣе прекрасно очерченъ здѣсь старикъ Гриневъ, и какъ отецъ, и какъ человѣкъ, и какъ хозяинъ-помѣщикъ. Правдой и жизнью вѣетъ, напримѣръ, отъ его словъ Марьѣ Ивановнѣ, когда та хотѣла одна выдти изъ амбара, пожертвовавъ собою для спасенія пріютившаго ее семейства:

«Полно врать, Марья Ивановна, сказалъ мой отецъ

(пишетъ Гриневъ). Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ! Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужъ вмѣстѣ».

И кроткій образъ Марьи Ивановны является здѣсь совершенно вѣрнымъ себѣ самому.—Прекрасно затѣмъ заключительное разсужденіе Гринева о русскомъ бунтѣ:

«Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужь люди жестокосердые, коимъ и своя шейка копѣйка, а чужая головушка полушка».

И мысль эта, и ея выраженіе совершенно гармонируютъ съ характеромъ Петра Андреича.

Но вообще характеръ молодого Гринева въ этой главѣ не выдержанъ. Поэтъ придалъ своему герою не свойственную ему грубость, заставивши его дважды пустить въ дѣло кулаки.

«Караульный медлилъ (разсказываетъ Гриневъ). Я выскочилъ изъ телеги, *треснулъ его* (виноватъ) *въ ухо* и самъ отодвинулъ рогатку».

Далѣе, когда земскій Андрюшка заупрямился отворять амбаръ, «отеческое наказаніе подѣйствовало и на него», повѣствуетъ Петръ Андреичъ. Не гармонируетъ съ нравственнымъ образомъ Гринева и приданное ему поэтомъ какое-то разочарованіе: разсказывая объ испытанномъ имъ чувствѣ полнаго счастья, когда онъ и освобожденное Зуринымъ семейство его съ Марьей Ивановной «вечеромъ соединились въ гостиной около самовара», Гриневъ совершенно неожиданно прибавляетъ:

«А много ли таковыхъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой».

Замѣтимъ кстати, что и весь этотъ эпизодъ о бесѣдѣ спасеннаго семейства за самоваромъ грѣшитъ противъ художественной правды; поэтъ говоритъ, что Гриневы «весело разговаривали о минувшей опасности»: кому приходилось испытать спасеніе отъ грозившей насильствен-

ной смерти, тотъ знаетъ, что въ первое время послѣ этого человѣку далеко не весело.

Далѣе, несвойственъ характеру Гринева и мелодраматизмъ, которымъ нѣсколько отзываются его слова, будто онъ «готовился (прости, Господи!) умертвить ее (Марью Ивановну) скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга». Ихъ можно считать выраженіемъ именно мелодраматизма, а не героизма, потому что вѣдь оставилъ же Гриневъ Марью Ивановну въ рукахъ Швабрина въ Бѣлогорской крѣпости. Люди, подобные Петру Андреичу, въ трагическихъ случаяхъ, въ родѣ настоящаго, полагаются, обыкновенно, на Божію волю, на судьбу, а не опираются на свою личную энергію и доблесть. (Кстати будетъ замѣтить, что мелодраматизмомъ отзывается даже одна фраза старика Гринева: «Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей (говоритъ онъ) наказать молодого злодѣя и *отомстить ему за кровь моего сына*»).

Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ разсказа характеру Петра Андреича придана даже какая-то водевильность: повѣствуя о томъ, какъ родители благословили его съ Марьей Ивановной на бракъ, Гриневъ вдругъ прибавляетъ:

«Что чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и *совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе*».

Вспоминая о такомъ важномъ моментѣ своей жизни, Гриневъ, по характеру своему и своимъ воззрѣніямъ, не могъ бы говорить легкомысленнымъ тономъ.

Какъ нѣсколько грубо очерченъ въ этой главѣ образъ Гринева, такъ грубость замѣтна въ одной чертѣ разсказа, касающейся Марьи Ивановны. Швабринъ, уходя отъ амбара послѣ совѣта Гриневу подумать и сдаться, говоритъ:

«Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами; вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ».

Несомнѣнно, что въ дѣйствительности Швабринъ могъ бы сказать эти циническія слова; но также несомнѣнно, что Гриневъ въ своихъ запискахъ, всегда такъ тепло и почтительно говоря о Марьѣ Ивановнѣ, не могъ повторить ихъ: они составляютъ диссонансъ въ общемъ строѣ его разсказа.

Далѣе, внесеніе въ повѣсть этой пропущенной главы ея нарушаетъ общую художественную гармонію произведенія, лишая его, до нѣкоторой степени, простоты и естественности: съ нею является слишкомъ много случайностей. Такъ, Марья Ивановна второй разъ попадаетъ во власть Швабрина, и второй разъ избавляется отъ него, опять-таки по счастливой случайности: Зуринъ съ своимъ отрядомъ подоспѣваетъ въ деревню Гриневыхъ какъ разъ во-время, чтобы спасти всѣхъ.

Наконецъ, глава эта противорѣчитъ одной существенной чертѣ всего повѣствованія. Старикъ Гриневъ, какъ извѣстно, повѣрилъ, что сынъ его измѣнникъ, когда послѣдній попалъ подъ судъ. Этого никакъ не могло бы случиться, если бы произошли событія, разсказанныя въ пропущенной главѣ: Андрей Петровичъ воочію видитъ въ ней вѣрность своего сына нравственному долгу, видитъ и его храбрость. А между тѣмъ вѣра его въ измѣну сына очень нужна для обрисовки его характера: она выясняетъ то существенное его свойство, что для него нравственная обязанность выше личной и семейственной привязанности; его ужасаетъ и повергаетъ въ отчаяніе не казнь, грозящая или грозившая Петру Андреичу, не осужденіе его, а позоръ измѣны долгу и присягѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ слѣдуетъ заключить, что появившаяся нынѣ въ свѣтъ новая глава «Капитанской дочки» была пропущена изъ повѣсти самимъ Пушкинымъ и не по постороннимъ какимъ-либо соображеніямъ, а по-

тому, что онъ былъ ею недоволенъ, ибо она мѣшаетъ художественной стройности и правдѣ всего произведенія.

Конечно, г. Бартеневъ оказалъ услугу русской литературѣ, напечатавъ эту главу великой повѣсти: она представляетъ глубокій интересъ для изученія творчества Пушкина и его поэтической личности; она представляетъ и интересъ эстетическій по нѣкоторымъ своимъ прекраснымъ частностямъ. Но вносить ее въ текстъ «Капитанской дочки» отнюдь не слѣдуетъ, ее должно печатать въ собраніи сочиненій Пушкина какъ приложеніе къ повѣсти*).

Печатая настоящую замѣтку, пользуюсь случаемъ выразить глубокое сожалѣніе многихъ, дорожащихъ дѣятельностью и личностью Пушкина, сожалѣніе, что господа владѣльцы матеріаловъ для біографіи великаго поэта зачастую скупятся подѣлиться своимъ добромъ съ обществомъ. Послѣ долгой неизвѣстности пропущенная глава изъ «Капитанской дочки» увидѣла наконецъ свѣтъ, а сколько, быть можетъ, важныхъ документовъ хранится подъ спудомъ, подвергаясь опасности погибнуть отъ пожара, потери и другихъ случайностей! Какъ великій общественный дѣятель, Пушкинъ—достояніе общее, достояніе народа; имѣютъ ли частныя личности нравственное право скрывать данныя для изученія его жизни, его творчества? или имѣютъ ли они право, только сами пользуясь матеріалами, давать намъ лишь свои изъ нихъ заключенія и выводы, какъ будто эти выводы представляютъ собою абсолютную истину?

---

*) Г. Ефремовъ въ редактированномъ имъ Исаковскомъ изданіи сочиненій Пушкина (въ 6 тт. 1878—1881 гг.) внесъ-было эту главу въ текстъ повѣсти. Но въ слѣдующемъ же изданіи (Анскаго 1882 г. въ 7 тт., онъ выдѣлилъ ее въ дополненія.

ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА *).

Въ послѣднемъ году прошедшаго столѣтія, въ 1799, весною, 26-го мая, въ Москвѣ въ семействѣ Пушкиныхъ родился сынъ Александръ, будущій знаменитый писатель. Родъ Пушкиныхъ былъ древній русскій родъ: Пушкины были извѣстны во времена Бориса Годунова, во времена Минина. Но со стороны матери предки Александра Пушкина происхожденія иноземнаго; родоначальникомъ ихъ былъ извѣстный арапъ Петра Великаго, крестникъ его Ибрагимъ.

Родители Пушкина вели жизнь довольно пустую и разсѣянную и были, по примѣру многихъ тогдашнихъ баръ, пристрастны ко всему французскому; книги въ ихъ домѣ были преимущественно французскія, разговаривали у нихъ тоже больше на языкѣ французскомъ. Кромѣ сына Александра, у нихъ были еще: дочь Ольга и сынъ Левъ. Воспитаніе дѣтей шло на французскій ладъ; имъ нанимали наставницъ и наставниковъ иностранцевъ; только закону Божію да русскому языку учились дѣти по-русски. Вслѣдствіе этого первые стихи, которые написалъ Александръ Сергѣевичъ, еще ребенкомъ, были французскіе стихи. Но, къ счастію, молодое поколѣніе Пушкиныхъ возростила на своихъ рукахъ няня Арина Родіоновна, простая и добрая русская женщина. Отъ няни Пуш-

*) Напечатано въ книгѣ «Избранныя сочиненія Пушкина для народнаго чтенія», Спб. 1888 г. Изданіе Спб, Комитета грамотности.

кинъ научился хорошо говорить по-русски, узналъ много русскихъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и поговорокъ; Арина Родіоновна была великая мастерица пѣть пѣсни и сказывать сказки. Александръ Сергѣевичъ очень любилъ няню; впослѣдствіи въ стихахъ онъ называлъ ее «подругой» своихъ «суровыхъ дней», своею «дряхлой голубкой». Благодаря главнымъ образомъ нянѣ, Пушкинъ сталъ по душѣ совершенно русскимъ человѣкомъ. Съ народной русской жизнью сближался онъ также, бывая иногда съ родными въ деревнѣ.

У Пушкина-отца былъ братъ, извѣстный въ свое время писатель Василій Львовичъ. Черезъ него Пушкины познакомились съ различными русскими писателями: у нихъ въ домѣ бывали: знаменитый Жуковскій, Дмитріевъ, князь Вяземскій и другіе. Юный Александръ Сергѣевичъ заслушивался бесѣдъ этихъ авторовъ и съ горячимъ увлеченіемъ началъ читать ихъ произведенія.

Въ 1811 году учреждено было, по желанію императора Александра Павловича, новое казенное училище— Александровскій лицей, въ Царскомъ селѣ. Пушкинъ попалъ въ число первыхъ воспитанниковъ этого лицея. Хорошей сторонной жизни въ новомъ училищѣ была распространившаяся среди воспитанниковъ любовь къ чтенію; лицеисты читали съ охотою и увлеченіемъ иностранныхъ и русскихъ авторовъ, особенно поэтовъ; у нѣкоторыхъ явилось желаніе и самимъ сочинять: нѣсколько человѣкъ стали писать стихи. Пушкинъ, еще въ родительскомъ домѣ полюбившій книги, былъ первымъ и въ чтеніи, и въ сочиненіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ лицеѣ онъ написалъ много стихотвореній, подражая всѣмъ предшествовавшимъ ему писателямъ, такъ сказать, учась сочинять на ихъ примѣрахъ; эти юношескія стихотворенія поэта называютъ теперь обыкновенно «лицейскими». Изъ товарищей своихъ ближе всѣхъ сошелся Пушкинъ съ задумчивымъ и тихимъ, се-

рьезнымъ мальчикомъ Дельвигомъ, тоже писавшимъ стихи. Дѣтская дружба двухъ поэтовъ потомъ развилась и укрѣпилась и продолжалась до самой смерти Дельвига въ 1831 году.

Нравъ Пушкина въ лицеѣ и поведеніе его были неровны: обыкновенно живой и впечатлительный, рѣзвый, общительный, онъ повременамъ казался угрюмымъ и молчаливымъ и держался одиноко.

Даровитость Пушкина была очень скоро замѣчена жившими тогда въ Петербургѣ знаменитыми писателями Жуковскимъ и Карамзинымъ; оба они приблизили къ себѣ начинающаго поэта, обласкали его, и онъ горячо привязался къ нимъ, высоко цѣня и ихъ сочиненія. Жуковскій оказалъ на Пушкина особенно благотворное вліяніе: его чистая, проникнутая чувствомъ, возвышенно-мечтательная поэзія пробуждала чистое чувство въ душѣ юнаго Александра Сергѣевича и предохраняла его отъ дурныхъ увлеченій, которыя случались у лицеистовъ. Пушкинъ сознавалъ пользу вліянія Жуковскаго и называлъ его своимъ учителемъ. Былъ еще русскій извѣстный писатель, который въ это же самое время сильно повліялъ на Пушкина, — это Батюшковъ, стихи котораго отличались красотою и благозвучіемъ; на нихъ Пушкинъ учился писать изящно и просто, и впослѣдствіи далеко превзошелъ въ этомъ своего учителя.

По выходѣ изъ лицея въ 1817 году, Пушкинъ поступилъ на службу въ Петербургѣ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Служба занимала его очень мало, и онъ предался свѣтской жизни и ея удовольствіямъ. Онъ попалъ въ дурной кружокъ разгульной молодежи и нѣкоторое время велъ жизнь пустую, увлекаясь по молодости и горячности своей натуры. Отъ этой жизни отвлекали его только литературные труды и литературныя знакомства. Да еще благотворно на него дѣйствовала деревня, въ которую онъ уѣзжалъ иногда изъ столицы; простая

деревенская жизнь и природа успокоивали и отрезвляли его душу; въ эту пору написалъ онъ одно прекрасное стихотвореніе «Деревня», въ которомъ выражаетъ, между прочимъ, желаніе свободы крѣпостному крестьянину:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ счастливая заря?

Пушкинъ прожилъ въ Петербургѣ до весны 1820 года. А въ маѣ этого года, за нѣкоторыя неосторожныя насмѣшливыя стихотворенія, онъ былъ высланъ на югъ, на службу въ Екатеринославъ, подъ начальство генерала Инзова, попечителя колонистовъ южнаго края. Поэту грозила болѣе суровая участь, но его спасло ходатайство передъ императоромъ Карамзина и Жуковскаго.

Почти одновременно съ пріѣздомъ его на югъ генералъ Инзовъ былъ назначенъ исправляющимъ должность намѣстника Бессарабіи, куда и долженъ былъ переѣхать со своею канцеляріей. А Пушкинъ въ Екатеринославѣ заболѣлъ лихорадкой и лежалъ почти одинокій, безъ необходимаго ухода. На его счастіе, черезъ Екатеринославъ проѣзжалъ со своимъ семействомъ генералъ Раевскій, извѣстный герой отечественной войны. Съ сыновьями этого Раевскаго Пушкинъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ. Раевскіе ѣхали на кавказскія минеральныя воды и пригласили съ собой Пушкина; а бывшій съ ними докторъ Рудыковскій помогъ ему въ болѣзни. Получивъ разрѣшеніе на поѣздку, поэтъ ожилъ и тѣломъ, и духомъ. Кавказскія горы съ ихъ снѣжными вершинами и пропастями, новая жизнь, своеобразный бытъ горцевъ произвели на него сильное и благотворное впечатлѣніе; онъ былъ на Кавказѣ оживленъ и веселъ, имъ овладѣло поэтическое одушевленіе. Съ Кавказа Пушкинъ поѣхалъ съ Раевскими въ Крымъ, гдѣ и провелъ въ Юрзуфѣ нѣсколько недѣль; Крымъ плѣнилъ его своею природой:

моремъ, «стройными тополями», «нѣжными миртами» и «темными кипарисами». Поэтъ писалъ изъ Крыма Дельвигу: «Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы».

Всѣ эти новыя впечатлѣнія, новая жизнь, прекрасная природа, сближеніе съ хорошими людьми хорошо подѣйствовали на Пушкина, отдалили его отъ прежнихъ ложныхъ увлеченій и пробудили въ душѣ высокія и чистыя чувства.

Этому сильно способствовало и возникшее въ ту-же пору въ сердцѣ поэта чувство высокой и чистой любви къ какой-то неизвѣстной намъ дѣвушкѣ.

Изъ Крыма поэтъ проѣхалъ въ Кишиневъ, въ Бессарабію, къ мѣсту своего служенія. Здѣсь съ жаромъ принялся онъ за литературныя занятія. Слѣдствіемъ посѣщенія Кавказа и Крыма явились двѣ прекрасныя, согрѣтыя теплымъ чувствомъ, поэмы: «Кавказскій плѣнникъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ». Въ первой поэтъ изобразилъ природу Кавказа, бытъ горцевъ и разочароваинаго, недовольнаго жизнью русскаго плѣнника; во второй разсказалъ поэтическое преданіе о любви крымскаго хана къ чистой дѣвушкѣ, плѣнницѣ Маріи, и о томъ, какъ татаринъ-ханъ смягчился душою подъ вліяніемъ этой дѣвушки и любви къ ней.

Начальникъ Пушкина генералъ Инзовъ былъ человѣкъ добрый и простой; онъ сочувственно и тепло относился къ своему новому молодому подчиненному; Пушкинъ уважалъ и любилъ его. Но жизнь въ Кишиневѣ была тяжела для поэта. Туземное общество молдаванъ было очень невысоко въ нравственномъ смыслѣ; русскіе чиновники и офицеры тоже не отличались возвышенными стремленіями; общественныя удовольствія состояли въ балахъ, танцахъ, картежной игрѣ, кутежахъ, которые часто приводили къ ссорамъ и поединкамъ. Пушкинъ увлекался отчасти подобной жизнью, и изъ-за этого у него возни-

кали не разъ столкновенія и съ соотечественниками, и особенно съ молдаванами. Но не вся душа его уходила въ такія увлеченія: его предохраняло жившее въ сердцѣ его чувство возвышенной любви; кромѣ того, онъ сталъ усердно заниматься самообразованіемъ, много читалъ и тѣмъ пополнялъ недостатки своего лицейскаго воспитанія. Между русскими офицерами въ Кишиневѣ были и образованные и хорошіе люди; Пушкинъ сблизился съ ними, бралъ у нихъ книги, велъ въ ихъ обществѣ одушевленныя, серьезныя бесѣды.

Въ Бессарабіи поэтъ близко познакомился съ цыганскимъ бытомъ: по странѣ кочевало много цыганскихъ таборовъ. Человѣкъ впечатлительный, любознательный и увлекающійся, Пушкинъ провелъ съ однимъ изъ нихъ нѣсколько дней въ степи. Слѣдствіемъ этого было сочиненіе имъ нѣсколько позже поэмы «*Цыганы*».

Въ этой поэмѣ Пушкинъ сочувственно изображаетъ простаго и добродушнаго старика-цыгана, не хотящаго мстить убійцѣ своей дочери. Должно быть, этотъ цыганъ напоминалъ поэту простыхъ русскихъ людей, которыхъ онъ зналъ прежде въ деревнѣ. Вообще въ эту пору его стало тянуть изъ чужой земли домой, на родину, къ русскимъ людямъ. Русское чувство подсказало ему въ эту пору сочиненіе такихъ прекрасныхъ стихотвореній, какъ «*Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*» (переложеніе разсказа нашей древней лѣтописи о смерти князя Олега) и «*Наполеонъ*», гдѣ поэтъ высказываетъ великодушное чувство примиренія съ причинившимъ намъ много зла, но потомъ пострадавшимъ завоевателемъ, умершимъ въ суровомъ заточеніи среди океана, на островѣ св. Елены.

Лѣтомъ 1823 года Пушкину удалось вырваться изъ Кишинева: онъ перешелъ на службу въ Одессу, подъ начальство новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова. Приморскій городъ, оживленный обширной торговлей, просвѣщенный, Одесса, конечно, больше нра-

вилась Пушкину, чѣмъ грубый по жизни своихъ обывателей Кишиневъ. Здѣсь Пушкинъ усердно занимался литературой: писалъ поэму «*Цыганы*», началъ романъ «*Евгеній Онѣгинъ*». Онъ прожилъ, однако, въ Одессѣ недолго: всего годъ.

Въ 1824 году Пушкинъ былъ уволенъ въ отставку, и ему было предписано переѣхать изъ Одессы на сѣверъ и жить безвыѣздно въ Псковской губерніи, въ селѣ Михайловскомъ, принадлежавшемъ его матери. Уѣзжая съ юга, поэтъ написалъ чудесное стихотвореніе «*Къ Морю*», въ которомъ прощается съ богатой и прекрасной южной природой.

«Усталымъ пришельцемъ», недовольнымъ собою и жизнью, пріѣхалъ Пушкинъ, въ началѣ августа 1824 года, въ «смиренный домикъ» и рощи роднаго Михайловскаго. Онъ былъ утомленъ безпокойными чувствами, которыя волновали его душу на югѣ, и тревожными событіями своей жизни. Онъ думалъ, однако, что будетъ тосковать въ деревнѣ по этимъ чувствамъ и треволненіямъ. Но онъ ошибался: мирная, тихая, простая жизнь русской деревни оказалась благотворной для него: тревоги его стали успокоиваться, и онъ ожилъ душою. Вмѣсто ложныхъ друзей, заплатившихъ ему (по его выраженію) «обидой за жаръ души довѣрчивой и нѣжной», онъ нашелъ истинныхъ друзей въ семействѣ сосѣдей своихъ Осиповыхъ-Вульфъ, простыхъ и добрыхъ русскихъ людей. Главою этого семейства была Прасковья Александровна Осипова, вдова двухъ мужей и мать довольно многочисленнаго семейства; она была владѣлица села Тригорскаго, находившагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Михайловскаго. Пушкинъ подружился съ сыномъ ея Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ (тогда студентомъ Дерптскаго университета) и съ старшими дочерьми—Анной и Евпраксіей Николаевнами. Анна Николаевна была дѣвушка серьезная и задумчивая; младшая сестра ея—

напротивъ—живая, веселая. Черезъ Вульфа познакомился еще Пушкинъ, а потомъ и подружился съ товарищемъ его, мечтательнымъ и вдохновеннымъ поэтомъ Языковымъ. Въ Тригорскомъ проводилъ Александръ Сергѣевичъ цѣлые дни и недѣли, читалъ свои новыя произведенія, велъ оживленныя бесѣды. А дома у него былъ еще другъ, самый близкій его душѣ—няня. Два года прожилъ онъ безвыѣздно въ деревнѣ съ старушкой Ариной Родіоновной; онъ заставлялъ ее опять, какъ въ дѣтствѣ, разсказывать ему сказки, пѣть пѣсни:

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла,—

говоритъ онъ нянѣ въ одномъ стихотвореніи, посвященномъ ей («Зимній вечеръ»). Въ этомъ стихотвореніи поэтъ описываетъ и жилище свое,—это былъ простой и небогато, даже бѣдно убранный домикъ, «ветхая лачужка», какъ выразился Пушкинъ. Ему нравилась эта простота; онъ не любилъ вообще богатаго убранства жилищъ. Нѣкоторыя сказки няни Александръ Сергѣевичъ записалъ и впослѣдствіи переложилъ въ свои чудные стихи (какъ, напр., *Сказку о мертвой царевнѣ*, *О рыбакѣ и рыбкѣ*).—Сближался поэтъ и съ другими простыми русскими людьми: онъ ходилъ по деревнямъ, знакомился съ крестьянами, слушалъ пѣсни и записывалъ ихъ. Всей душой полюбилъ онъ народныя пѣсни. Въ деревенскомъ уединеніи его посѣтили, въ разное время, три лицейскіе товарища: Дельвигъ, Пущинъ и князь Горчаковъ. Поэтъ былъ чрезвычайно радъ имъ, и досыта наговорились друзья дѣтства въ недолгія минуты свиданія обо всемъ, что занимало ихъ въ жизни и литературѣ.

Въ деревнѣ Пушкинъ продолжалъ свое самообразо-

ваніе: онъ усердно и много читалъ. Съ увлеченіемъ читалъ онъ «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина и наши старинныя лѣтописи. Древняя русская жизнь сильно занимала его, и онъ всей душою полюбилъ родную старину, какъ любилъ уже современный ему бытъ простыхъ русскихъ людей. Вслѣдствіе всего этого онъ задумалъ написать драму изъ древней русской исторіи; онъ остановился на началѣ смутнаго времени, усердно принялся за работу, и въ теченіе 1825 года сочинилъ піесу «*Борисъ Годуновъ*», одно изъ лучшихъ своихъ произведеній.

Продолжалъ онъ въ деревнѣ писать и начатый еще на югѣ большой романъ «Евгеній Онѣгинъ», сочинилъ также много прекрасныхъ стихотвореній. Изъ нихъ особенно замѣчательны два—«*Подъ небомъ голубымъ страны своей родной*» и «*Пророкъ*». Въ первомъ поэтъ выражаетъ глубокую и нѣжную горесть о смерти задушевно имъ любимой неизвѣстной намъ женщины, которую полюбилъ онъ нѣсколько лѣтъ назадъ на югѣ; во второмъ онъ высказываетъ возвышенную мысль о назначеніи поэта: подобно пророку, поэтъ долженъ «исполниться волей» Бога и «жечь своимъ глаголомъ» сердца людей, т. е. поражать укорами зло и зажигать въ сердцахъ любовь къ добру и истинѣ.

Одно тяготило Пушкина въ Михайловскомъ, это—неимѣніе права выѣхать изъ деревни. Но неволя эта кончилась съ воцареніемъ новаго императора. Въ августѣ 1826 года императоръ Николай Павловичъ, пріѣхавшій въ Москву для коронаціи, вызвалъ Пушкина изъ Михайловскаго къ себѣ въ древнюю столицу. Императоръ, любившій сочиненія Пушкина, обласкалъ молодаго поэта и снялъ съ него опалу. Пушкинъ оживился и былъ чрезвычайно веселъ первое время жизни своей въ Москвѣ. Онъ сблизился со многими тамошними писателями: съ Хомяковымъ, съ ученымъ Погодинымъ и другими. Съ

жаромъ прочелъ онъ въ собраніи этихъ просвѣщенныхъ цѣнителей свою драму о царѣ Борисѣ и встрѣтилъ въ нихъ восторженное сочувствіе себѣ. Но за первыми радостями послѣдовали печали. Главное, поэтъ былъ недоволенъ свѣтскимъ обществомъ столицы, въ которое онъ попалъ изъ своей деревенской глуши: въ этомъ обществѣ онъ встрѣтилъ (какъ говоритъ въ заключительныхъ стихахъ 6-й главы романа «Евгеній Онѣгинъ») бездушіе, гордость, умственную ограниченность, лукавство, лицемѣріе, малодушіе, пустоту. Тяжело стало у него на сердцѣ, и съ этихъ поръ онъ ведетъ какую-то странную, безпокойную жизнь; съ 1826 по 1830 годъ онъ не можетъ остановиться гдѣ-нибудь осѣдло и все переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто; то мы видимъ его въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то въ тверской деревнѣ Осиповыхъ «Маленники». Печаль вызывала иногда у Пушкина думы о смерти; таково, напр., стихотвореніе «*Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ...*». Стихотвореніе это замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что въ послѣднихъ словахъ его сказывается вся возвышенность души поэта: забывая себя, онъ желаетъ радости и счастья молодому поколѣнію.

Писалъ Пушкинъ въ это время много: сочинилъ, къ сожаленію неоконченный, романъ «*Арапъ Петра Великаго*», поэму «*Полтава*» и многое другое. Въ обоихъ названныхъ произведеніяхъ Пушкинъ изображаетъ Петра I: въ романѣ знаменитый царь является въ простой обстановкѣ своей семейной и трудовой жизни, добродушнымъ и ласковымъ хозяиномъ и работникомъ; въ поэмѣ «Полтава» мы видимъ великаго царя на полѣ битвы могучимъ героемъ, сильнымъ волею, и великодушнымъ побѣдителемъ. Пушкинъ вообще благоговѣйно любилъ Петра Великаго; впослѣдствіи онъ прославилъ его памятникъ въ поэмѣ «*Мѣдный Всадникъ*»; ему же посвятилъ онъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній, гдѣ

называетъ Петра человѣкомъ съ «всеобъемлющей душою», «вѣчнымъ работникомъ» на тронѣ; особенно плѣнялъ поэта великій царь своимъ великодушіемъ,—въ стихотвореніи «*Пиръ Петра Великаго*» разсказывается, какъ царь торжествуетъ пиромъ отпущеніе «виноватому вины»:

Онъ съ подданнымъ мириться,
Виноватому вину
Отпуская, веселится,
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Съ годами Пушкина стало тяготить одиночество, холостая, скитальческая жизнь. Какъ вполнѣ русскаго человѣка, его потянуло къ семейной жизни, захотѣлось ему своего мирнаго и тихаго угла. Въ 1829 году на одномъ большомъ званомъ вечерѣ въ Москвѣ встрѣтилъ онъ очень еще молодую дѣвушку Наталью Николаевну Гончарову. Она поразила его своей красотой. Онъ продолжалъ встрѣчать ее, и черезъ нѣсколько времени почувствовалъ въ сердцѣ любовь къ ней. Тогда онъ сталъ подумывать о сватовствѣ и, наконецъ, сдѣлалъ предложеніе. Но онъ получилъ отъ родныхъ Натальи Николаевны такой неопредѣленный отвѣтъ, который былъ похожъ на отклоненіе сватовства. Съ горя поэтъ тотчасъ

же уѣхалъ на Кавказъ, а оттуда пробрался далѣе, въ Малую Азію, въ нашу дѣйствующую армію (тогда у насъ была война съ Турціей). Здѣсь поэтъ выказалъ чрезвычайную смѣлость, и, недовольный своей судьбою, тоскующій, не разъ рисковалъ жизнью, выѣзжая на перестрѣлки и входя въ госпиталь зачумленныхъ. Пушкинъ велъ записки своего путешествія, которыя впослѣдствіи привелъ въ порядокъ и напечаталъ подъ заглавіемъ «*Путешествіе въ Арзерумъ*».

Здѣсь, между прочимъ, высказываетъ онъ высокую мысль о необходимости христіанской проповѣди среди кавказскихъ племенъ. Та-же мысль высказана Пушкинымъ и въ написанной имъ въ 1829 году поэмѣ изъ жизни кавказскихъ горцевъ—«*Галубъ*»; въ этомъ сочиненіи изображена противоположность чувствъ любви, прощенія и великодушія христіанскаго юноши съ суровыми и мстительными страстями дикаго горца.

Вернувшись въ 1830 г. въ Москву, поэтъ возобновилъ сватовство, и на этотъ разъ получилъ согласіе. Повеселѣвшій и довольный уѣхалъ онъ осенью въ Нижегородскую губернію, въ подаренное ему отцомъ село Болдино, устраивать къ свадьбѣ хозяйственныя дѣла. Здѣсь онъ много сочинялъ. Пушкинъ любилъ осень въ деревнѣ; она влекла его къ себѣ «красою тихою, блистающей смиренно» и «какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной» (по его собственному выраженію).

Весною 1831 года состоялась въ Москвѣ его свадьба съ дѣвицей Гончаровой. Молодые переѣхали въ Петербургъ, а затѣмъ на лѣто въ Царское Село. И поэтъ чувствовалъ себя въ первое время хорошо и счастливо. Онъ всею душою отдался семейной жизни, и наслаждался ея покоемъ и тихими радостями. Съ этого времени и въ его сочиненіяхъ замѣчается спокойное чувство; онъ пишетъ произведенія все въ народномъ духѣ—сказки, повѣсти; съ особенной любовью останавливается

онъ на изображеніи семейной жизни, семейнаго счастья и родственныхъ привязанностей. Лучшее сочиненіе его въ этомъ родѣ—прекрасная повѣсть «*Капитанская дочка*».—Въ то же время Пушкинъ занимается научными работами: разбираетъ документы временъ Петра Великаго, подготовляясь писать исторію этого монарха; сочиняетъ «*Исторію Пугачевскаго бунта*». Чтобы способствовать его научнымъ занятіямъ, императоръ опредѣлилъ его вновь на службу и назначилъ ему жалованье. Академія же наукъ избрала его въ свои члены.

Но поэту не пришлось жить спокойно, отдавшись вполнѣ, какъ онъ хотѣлъ-было, литературнымъ трудамъ. Тутъ сказалась разница въ характерахъ его и жены. Наталья Николаевна была женою вѣрной и любящей; но ей нравилась свѣтская веселая жизнь, блескъ и суета. А Пушкинъ мечталъ о другомъ: о тихой жизни въ деревнѣ, объ отставкѣ. Къ тому же свѣтская жизнь въ столицѣ оказалась слишкомъ дорогой и не по средствамъ Пушкиныхъ, особенно въ виду необходимости подумать о воспитаніи троихъ дѣтей; приходилось изыскивать денежныя средства, придумывать—какъ ихъ добыть.

Но была еще болѣе важная причина для тревогъ и огорченій поэта: его не любили въ томъ свѣтскомъ обществѣ, въ которомъ ему приходилось вращаться; самъ онъ, какъ мы знаемъ, не долюбливалъ это общество уже давно, замѣчая въ немъ пустоту, лицемѣріе, сердечную холодность.

Въ эти тяжелые послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ поднялся душою особенно высоко: всегда жившее въ его сердцѣ религіозное чувство теперь усилилось; онъ съ любовью часто читалъ Евангеліе, житія Святыхъ; онъ написалъ нѣсколько религіозныхъ стихотвореній, между прочимъ переложилъ въ свои стихи умиленную

великопостную молитву «*Господи и Владыко живота моего*». Душа поэта просвѣтлялась и успокоивалась.

Но въ это самое время произошло событіе, окончившееся смертью Пушкина. Въ петербургскомъ свѣтскомъ обществѣ былъ любезно принимаемъ одинъ французъ по фамиліи Дантесъ, усыновленный голландскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ барономъ Геккерномъ. Дантесъ былъ принятъ и на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Это былъ человѣкъ легкомысленный; танцуя на петербургскихъ балахъ, онъ ухаживалъ за дѣвушками и дамами; особенно нагло сталъ онъ ухаживать за Натальей Николаевной Пушкиной. Этимъ воспользовались враги поэта; они стали присылать ему безъименныя письма съ насмѣшками и грязными намеками. Пушкинъ вышелъ изъ себя; нарушилось спокойствіе его духа, онъ потерялъ самообладаніе, и вызвалъ Дантеса на поединокъ. Тотъ принялъ вызовъ, и 27-го января 1837 года произошла дуэль на пистолетахъ близъ Черной рѣчки, за Комендантскою дачею. Пушкинъ былъ смертельно раненъ. Когда онъ очнулся и поднялся на руку въ снѣгу, въ его душѣ на мгновеніе вспыхнула злоба: онъ потребовалъ, чтобы противникъ всталъ на свое мѣсто, и выстрѣлилъ въ него. Но злоба тотчасъ же оставила душу великаго поэта. Два дня промучился онъ страшною раной, твердо перенося мученія, чтобы не безпокоить жену и дѣтей. Въ эти дни въ душѣ его было кроткое чувство любви и всепрощенія; онъ завѣщалъ друзьямъ своимъ не мстить за него; пожелалъ умереть какъ христіанинъ, со всѣми примирившись, исповѣдался и причастился. Императоръ Николай Павловичъ прислалъ къ нему съ своимъ врачемъ записку, въ которой давалъ царское обѣщаніе позаботиться о его семействѣ.

Послѣднія минуты жизни Пушкина описалъ присутствовавшій при нихъ Жуковскій. Жуковскій долго всма-

мм/74-287 (6)

тривался въ лице умершаго друга и ученика своего. «Я увѣряю тебя (писалъ онъ потомъ отцу поэта), что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти».

Предсмертная болѣзнь раненаго поэта вызвала глубокое сочувствіе къ нему въ петербургскомъ обществѣ: множество знакомыхъ и незнакомыхъ ходило къ его дому навѣдываться о немъ.

29-го января Пушкинъ скончался. Его отпѣли въ Конюшенной церкви и повезли хоронить, согласно съ его волею, въ Святогорскій монастырь, находящійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Михайловскаго. Поэтъ почіетъ тамъ за церковью, подъ сѣнью деревъ мирнаго монастырскаго кладбища.

Прошло 50 лѣтъ съ его смерти. Образованные люди давно знакомы съ его сочиненіями. Теперь, когда грамотность все больше и больше распространяется въ нашемъ отечествѣ, а книги становятся дешевле, можно надѣяться, что недалеко уже то время, когда сбудется завѣтное желаніе великаго писателя и онъ станетъ извѣстнымъ «по всей Руси великой», его будутъ читать всѣ. На такую память и славу онъ имѣетъ права,—онъ справедливо сказалъ про себя въ стихотвореніи «Памятникъ»:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Въ 1880 году торжественно воздвигли великому писателю прекрасный памятникъ въ Москвѣ.

PG 3350 .N4 C.1
Shest' statei o Pushkinie.
Stanford University Libraries
3 6105 035 917 389

PG
3350
.N4

I. L. L.
MAR 27 1984
S. U. L.

DATE DUE